

Сердца трех

Автор:

Джек Лондон

Сердца трех

Джек Лондон

Джек Лондон. Собрание сочинений (Клуб семейного досуга) #1

Собрание сочинений Джека Лондона открывает знаменитый роман «Сердца трех», написанный в 1916 году для кино по плану голливудского киносценариста Чарлза Годдарда. Весной 1920 года роман вышел отдельной книгой. «Сердца трех» соединяют в себе лучшие черты, присущие приключенческим произведениям Джека Лондона, и динамичность развития событий, которой требует специфический жанр киноромана.

Джек Лондон

Сердца трех

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», предисловие и художественное оформление, 2007, 2011

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Джек Лондон. Страницы биографии

Джек Лондон – знаковая фигура американской и мировой литературы на рубеже XIX и XX веков. Напечатав свой первый рассказ в 1893 году, писатель очень быстро стал едва ли не самым лучшим и популярным писателем Америки. В 1910-е годы его слава быстро распространилась по всему миру. Переводы произведений Лондона появились и в России. Даже во времена постреволюционной разрухи его издавали у нас немислимыми для той поры тиражами. Интерес к творчеству этого самобытного автора не угасает и в наши дни.

Чем же и каким образом простой американец, рубаха-парень, заслужил такую славу?

Как потом будут острить литераторы, известность Джек Лондон приобрел еще до рождения. Правда, на этом этапе скандальная «популярность» связана даже не с ним, а с его экстравагантными родителями. Мать писателя Флора Уэллман, дочь предпринимателя из штата Огайо, приехала в Сан-Франциско (штат Калифорния) зарабатывать уроками музыки и, главное, модным в ту пору спиритизмом. Неуравновешенная, эксцентричная любительница эзотерики познакомилась с известным в стране профессором магии (сведущим, впрочем, и в других науках, в том числе математике и литературе) неким У. Г. Чени (Чани), с которым некоторое время состояла в гражданском браке.

Почувствовав охлаждение к ней профессора, Флора, ожидавшая в то время ребенка, организовала публичный скандал, симулировав попытку самоубийства с помощью старого заржавленного револьвера. Прибывшим на место событий журналистам она сообщила, что Чени настаивал на избавлении от ребенка, чем и довел ее до полного отчаяния. С ее слов эта версия появилась в падкой на сенсации местной газете «Кроникл».

Ославленный в печати профессор-прорицатель и астролог-литератор в июне 1875 года навсегда покинул Сан-Франциско и впоследствии ни разу не встретился со своим сыном, который все же попытался с ним связаться. У. Г. Чени ушел из жизни в самом конце XIX века, так и не прочитав ни одного произведения Джека Лондона.

12 января 1876 года у Флоры, жившей в ту пору в пригороде Сан-Франциско Эллен Хилле, родился сын, которого называли Джоном Гриффитом, в быту –

Джеком.

Однако под «отцовской» фамилией мальчику суждено было прожить всего восемь месяцев. Флора по-прежнему вела светский образ жизни, а кормилицей и нянькой Джека стала медицинская сестра негритянка Дженни Принстер.

Род матери Джека происходил из Уэллса.

Валлийцы не меньше ирландцев (У. Г. Чени – ирландец) гордятся своим происхождением и предприимчивостью, считая себя также костяком американской нации.

В свое время, по семейным преданиям, бабушка Флоры миссис Джоэль, вдова валлийского пастора, в 1800 году отправилась в Новый Свет одна с четырьмя детьми в поисках счастья. Один из них – отец Флоры Маршалл Уэллман (дед писателя) поселился в городе Мэслон (штат Огайо) и прославился своими изобретениями, одно из которых – угольная топка – названо его именем. Там же жила тетка Джека Мери Эвергард с сыновьями.

Флора, получившая неплохое гуманитарное и музыкальное образование, в 16 лет ушла из дому, поселилась в предместье Сан-Франциско и стала самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Джек появился на свет, когда его матери было уже 30 лет.

От своих публичных выступлений и увлечения спиритизмом Флора не отказалась даже в связи с рождением сына. Вскоре к ней обратился за «психологической помощью» некто Джон Лондон, потерявший не так давно любимую жену и сына. Джон оказался отцом десятерых детей и прекрасным человеком. Он любил своего приемного сына не меньше, чем оставшихся от первого брака двух несовершеннолетних дочерей и сына младшей из них Джонни Миллера, впоследствии усыновленного Флорой. Но главное то, что мальчик Джек так никогда и не почувствовал себя пасынком в семье Джона, что чрезвычайно важно для его развития и становления характера.

Старшая из сестер Элиза, заменившая мальчику няньку, хотя была старше его всего на восемь лет, стала его преданным другом на всю жизнь.

В поисках лучшей жизни семья то и дело переезжала и останавливалась в маленьких провинциальных городках, разбросанных у залива Сан-Франциско (Окленд, Аламеда, Левермор), а порою и в их окрестностях, где отец занимался фермерством и перепробовал немало других профессий. Джон Лондон не обладал крепким здоровьем – он был ранен еще на Гражданской войне 1861–1865 годов, где воевал на стороне северян. Его приемный сын рос в атмосфере трудовых будней и многое научился делать собственными руками. Впоследствии юноша мог самостоятельно связать плот, построить лодку или хижину из стволов деревьев, что ему потом очень пригодилось в Клондайке. С десяти лет Джеку приходилось зарабатывать себе на жизнь: вставая за два часа до уроков, доставлять газеты подписчикам, подвозить лед на рынке по субботам, устанавливать кегли в местном кегельбане по воскресеньям и др. Семья нередко терпела нужду – чаще всего по вине взбалмошной и склонной к невероятным фантазиям матери. Отец не раз был на грани банкротства, особенно когда Флоре приходила в голову какая-то нелепая мысль.

Часто семейство, казалось бы, достигшее сносного материального положения, в очередной раз оказывалось на мели. Случалось, что пожар уничтожал сооруженные с таким трудом семейные и пансионатные постройки. Приходилось все начинать с нуля, менять местожительство, чтобы не платить по счетам.

Джон Лондон стойко переносил все невзгоды. В последние годы он занимался мелкой розничной торговлей, зарабатывая гроши. В 1891 году глава семьи попал под поезд и был сильно искалечен.

В 1892 году Джек окончил начальную школу и начал работать на консервном заводе. За 10-часовой, а иногда и 12-часовой изнурительный труд ему платили всего доллар.

Хотя подросток и оставил надежду на получение сносного образования, он был одним из самых уважаемых мальчишек – читателей библиотеки в Окленде.

Его круг чтения стала контролировать и тактично корректировать поэтесса и очеркистка мисс Айна Кулбрит, лауреат литературной премии местного значения. К этой доброжелательной и образованной женщине Джек сохранил на всю жизнь самые теплые чувства. Здесь же несколько позже начал работать штатным библиотекарем и такой замечательный человек, как Фред Джекобс, который оказал на будущего писателя очень большое влияние.

Однажды Джек, заняв триста долларов у своей кормилицы, решил одним махом покончить с нищетой и «скотской жизнью». Они с приятелем купили шхуну «Рэззл-Дэззл» – «Пирушка» (прообраз «Ослепительного»). Шестнадцатилетний хозяин шхуны собрал команду «опытных пиратов». У каждого из этих подростков была своя лодчонка. Набив руку в управлении такими суденышками, «устричные пираты» пошли на «дело».

Их задача – забраться в чужие садки, наловить устриц в заливе, на отмелях, взятых в аренду предпринимателями, в основном, служащими железнодорожных компаний, набить ходким товаром мешки и под прикрытием темноты доставить его к рассвету перекупщикам на рынок или хозяевам мелких салунов в Сан-Франциско. При этом надо было еще ускользнуть от сторожей и хозяев, а также не попасться в руки речного патруля. Такой промысел считался самым неблагоприятным делом. Но на нем удавалось заработать больше, чем на фабрике, хотя при этом можно было нарваться на разъяренных «владельцев отмелей», лишиться шхуны, а то и жизни. Иногда «устричные пираты» дерзко нападали на китайские джонки, часто тоже пиратские, чтобы продемонстрировать удаль и превосходство людей белой расы.

Практически вся территория США была в свое время частично захвачена у различных индейских племен, а частично куплена у испанской короны. Поэтому в приверженцах теории расового превосходства в Сан-Франциско, южном форпосте страны, не было недостатка. Молодость и жажда риска брали свое, моральные проблемы не слишком волновали юношей. Доблесть их выражалась в кровопролитных драках, в умении постоять за себя, а главное – перепить противника на спор в салуне «Шанс первый и последний». Тут Джек, молодой красивый парнишка, выиграл однажды пари у самого известного в тех местах горького пьяницы Джонни Хейнголта. Отчаянный боец из юношеской команды – Джордж Сатана Нельсон, дравшийся особенно дерзко и в кровь раздиравший лицо противника, сначала получил под ребра нож, а через два года был убит выстрелом в голову. Такая же участь постигла всех остальных приятелей Джека. Судьба хранила его одного.

Отчаянные пираты, как и их Устричный Король – «капитан Джек», смогли залатать кое-какие дыры в семейном бюджете, а сам Джек даже полностью расплатился с няней Дженни, чего она вряд ли от него ожидала. Но в какой-то момент устричный промысел оказался просто невозможным, поскольку за пиратов хорошенько взялись.

Джек на своем шлюпе совершил путешествие в городок Сакраменто, расположенный также в одном из заливов Тихого океана. Там на пляже он познакомился с шайкой «отбросов», или босяков, которые приняли его в свою «толкучку», а некто по имени Боб даже взял под свое покровительство. Отсюда и очередная кличка Джека – Морячок («Сейлер Кид»). Юноша увлекся босяцкой романтикой и готов был отправиться с ними в «Дорогу» (у американцев это нечто вроде путешествия бомжей), лишь тяжелое положение семьи удержало его от продолжения безумных странствий, где он приобрел уже немалый жизненный опыт. Здесь же Джек получил высшую квалификацию бродяги – «Хобо», или «Человек дороги». Однако пришлось вернуться домой и снова заняться устричным пиратством. Но тут случилось несчастье – шхуну Джека угнали и «разбомбили» так, что когда ее удалось отыскать в океане, пришлось продать то, что от нее осталось, всего за 20 долларов.

Ловкость, отвага Джека и его друзей не остались незамеченными в Сан-Франциско. Его уже начали здесь величать Морским Принцем или Устричным Королем. А один из пожилых работников речной охраны, таможенник, предложил юноше поступить на службу в речной патруль, где и внештатные сотрудники находились под охраной закона. Тут также не раз приходилось рисковать, увертываясь от ножа или пули. Это хорошо описано в рассказе «Абордаж отбит» и в сборнике «Рассказы рыбацкого патруля» (1905). Основной нерв в «Рассказах рыбацкого патруля» – преследование браконьеров, причем не менее интересен их душевный мир – дерзость и коварство, состязание в хитрости и изобретательности. Такое занятие не исключало и применение оружия в безвыходном положении, хотя те и другие участники «соревнований» старались этого избежать.

Море и тяжелая, поистине собачья служба закалили характер Джека. Но были и явные издержки. На такой должности опять надо было работать как следует, драться до крови и много пить, подтверждая репутацию пока еще начинающего Морского Волка, или Морского Принца.

Только книги спасали юношу от отчаяния, рассказывали о другой жизни. И хотя Джек рано прочел Гёте, Смоллета, Бальзака, Толстого, Тургенева, Золя, эти книги едва ли стали его художественным ориентиром. Юношу больше влекли занимательные морские приключения Р. Стивенсона, а также профессионального моряка Г. Мелвилла – «Тайпи» и «Моби Дик», «Белый Бушлат». Но самым любимым автором оказался Р. Киплинг, совместивший яркую художественную изобразительность с «революционной» для того времени

философией ницшеанства – новыми суждениями о сверхчеловеке и превосходстве белой расы. В книгах этого самого популярного в англоязычном мире автора Джек находил духовную поддержку. Приобретая некоторый опыт коротких радиальных переходов в окрестностях залива Сан-Франциско, а нередко выходя и в открытый океан, пылкий и красивый юноша решил испытать себя в настоящих морских походах и приключениях. В январе 1893 года семнадцатилетний Джек отправляется на шхуне «Софи Сазерленд» к берегам Японского моря. Записался он матросом первого класса, что давало ему право стоять за штурвалом и получать высшую для моряка зарплату. Бывалые морские волки отнеслись к такому вызывающему поведению недоверчиво, но капитан Пит Холд, увидев его на вахте за штурвалом во время шторма, лишь одобрительно махнул рукой.

Уважение матросов Джек завоевал в кровавой схватке со шведом – гигантом Рыжим Джоном, который хотел на правах старшего заставить Морячка себе прислуживать. Однако тот, вскочив ему на спину, едва не выдавил наглomu противнику глаза – по примеру своего друга Сатаны.

Джека любили многие. Он отличался веселым, неунывающим нравом, великолепным чувством юмора, мастерством рассказчика, что особенно ценилось в трудных и опасных морских походах. Шхуна была по существу пиратским суденышком, которое охотилось на морских котиков в русских и японских территориальных водах. Убив и вытащив на палубу обитателей прибрежных вод, котиков обдирали прямо тут же и, выбросив шкурки на просушку, отдавали тушку на растерзание морским хищникам – акулам, следовавшим за шхуной. Работа грязная, мужская – палуба залита кровью и жиром, в воздухе – запах освежеванного мяса и жира, но Джек воспринимал эту бойню с неизменной белозубой улыбкой. Поистине мужская работа. Платили за такой адский труд не так уж много – сорок долларов в месяц. А связан он был также с немалым риском. Можно было сесть на мель, затонуть во время шторма, попасть в руки русского пограничного патруля, как в рассказе «Исчезнувший браконьер», где похожий на автора несовершеннолетний герой, взятый русскими в качестве заложника, перерезает буксирный канат, спасая от тюрьмы и потери добычи команду своей шхуны.

Вернувшись в августе 1893 года с берегов Берингова моря в Окленд, Джек Лондон, желая побыть какое-то время на суше и поддержать семью, поступает на джутовую фабрику. Изнурительный труд по 10–12 часов, потогонная, по сути конвейерная система приносили жалкую зарплату – 10 центов в час, или один

доллар в день. Было над чем серьезно задуматься. Заметив грустное выражение на лице уставшего кормильца-сына, его мать Флора посоветовала ему поработать головой – «пораскинуть мозгами». Ведь его отец и дед были интеллектуалами, выжившими на Диком Западе исключительно благодаря своим умственным способностям. Но у Джека не было необходимого образования. И тогда мать предложила ему заняться литературным творчеством, услужливо подсунув местную газетку «Морнинг колл», объявившую конкурс на литературное произведение. Кстати, художественными рассказами зарабатывал иногда на жизнь и его отец У. Г. Чени.

И Джек Лондон попытался рассказать читателям о своей работе на зверобойной шхуне «Софи Сазерленд» у берегов Японии и России. Его рассказ «Тайфун у берегов Японии» (2000 слов) не был выдающимся, остросоциальным произведением – он поведал людям о борьбе с беспощадной дикой стихией моря и об умении моряков противостоять этой стихии. Рассказ отвезла в редакцию сама Флора. 12 ноября 1893 года он был опубликован. Жюри отметило «масштабность, глубину проникновения и выразительность, которые отличают молодого художника». Автор занял первое место на конкурсе, опередив двух студентов-гуманитариев Калифорнийского и Стенфордского университетов, и получил первый литературный гонорар – премию в 25 долларов. Остальные морские рассказы не были приняты ни этой газетой, ни другими изданиями. Любопытно, что Джек Лондон, прежде чем стать популярным автором, получил 650 отказов от различных редакций.

1893 год – время финансового кризиса, через два года захватившего и Россию. Этот период исторической жизни известен и тем, что во всем мире резко увеличилось число безработных и босяков.

Отчаявшиеся люди искали выход. Верхи, как всегда, были безразличны к их бедам и страданиям. Однако в Англии, несколькими годами раньше, чем в Америке, нашелся «боевой генерал» В. Бут, провозгласивший создание Армии Спасения. «Генерал» призывал бедняков не к борьбе с властями, а к принятию неотложных мер по улучшению быта рабочих, прежде всего тех, кто остался без работы и скатился на дно. Это были пока еще пресловутые экономические требования, слабо связанные с идеями марксизма и социализма, но те и другие явления имели общие корни. Армия Спасения сотрудничала с властями.

Подобная организация возникла и в Америке. Сразу два американских «генерала» – Кокси и Келли объявили о создании Рабочей Армии (из числа

безработных) и о походе на Вашингтон с целью использовать всю эту массу людей как трудармию на строительстве железных дорог. Оба лидера собирались добиться в Конгрессе выделения пяти миллионов долларов на рабочие нужды.

Джек Лондон, без гроша в кармане, постепенно проникаясь идеями социализма, решил присоединиться к участникам марша, подговорив поехать с собой и своего друга Фрэнка Дэвиса.

Армия «генерала» Келли тронулась в путь 6 апреля 1894 года. Однако Джек и его друг опоздали к отправлению товарного поезда и решили догнать остальных по дороге на Восток. Добравшись до Сакраменто «зайцами» в «слепом» товарном вагоне, друзья узнали, что «генеральский экспресс» уже отправился дальше. Фрэнк вернулся в Окленд, а неугомонный Джек со своей записной книжкой решил продолжать «индивидуальный поход» обычным для бродяг способом.

У него уже был опыт дорожного странника, полученный пару лет назад. Сдавшим экзамен на настоящего Рыцаря Дороги считался тот, кто пересечет гряду Сьерра-Невада на площадке или внутри «слепого» вагона.

Армию Келли Джеку удалось нагнать, когда он окончательно замерз после преодоления знаменитых Скалистых гор, находясь во время бурана на открытой площадке вагона. В товарном вагоне, где разместились 84 «борца за права рабочих», нельзя было протолкнуться. 85-й пассажир – Джек, наступив кому-то на руку, попал в «молотилку». Его долго швыряли на чьи-то головы и ноги, награждая увесистыми тумаками, пока в темноте он не обнаружил крохотное свободное пространство, где можно было кое-как устроиться на соломе.

В подобных сообществах ценились «хорошие парни» и смышленные, а порой и действительно одаренные рассказчики душещипательных историй из жизни. При этом разоблаченное вранье, как и косноязычие, каралось чаще всего побоями – той же «молотилкой».

И Джек не раз признавался потом, что такого количества великолепных историй ему не доводилось больше слышать никогда в жизни. Элемент авантюризма, таившийся в его индивидуалистической натуре, время от времени вспыхивал, как тлеющий уголек.

В штате Айова жители восторженно встречали участников похода. Трудармейцы разбили палаточный городок, разделившись по примеру военных на отделения, взводы и роты. Джек попал в арьергардное подразделение. Но тут возникли трудности.

Железнодорожные боссы, предупрежденные властями, перестали поставлять поезда для марша на Вашингтон. Пришлось обзаводиться лодками и плотами, чтобы из городка Де Мойн отправиться вплавь по течению знаменитой реки Миссисипи – по родным местам Тома Сойера. И тут Морячок проявил себя наилучшим образом. Выбившись со своим плотом и командой из девяти человек в авангард флотилии, он ухитрился подчищать продуктовые запасы, приготовленные для всей Армии. Лучшая обувь и одежда также доставалась этой десятке. Джек со своими напарниками стал истинным зачинателем великой идеи «автопробега» Остапа Бендера, с той лишь разницей, что орудовали «борцы за справедливость» на реке, а не на дорогах. Джек засыпал жителей прибрежных местечек невероятным количеством «правдивых историй», а пожертвованных слушателями продуктов, одежды и обуви хватило бы на целую роту. Дух авантюризма вновь захватил юношу.

В связи с ухудшением материальных условий бесшабашная армия Келли вскоре стала разваливаться и разбредаться кто куда. Это был уже июнь 1894 года. Нельзя сказать, что пребывание в рядах Рабочей Армии оказалось столь уж бесполезным. Джек услышал здесь немало интересных ораторов и собеседников – социалистов, а также претендентов на «генеральскую должность» Келли, пытавшихся его сместить, что всегда характерно для таких вождей и движений.

Покинув Рабочую Армию, Джек взял курс на Канаду – ему хотелось увидеть знаменитый Ниагарский водопад. Когда остатки трудармейцев в июле того же года прибыли к месту условленной встречи в пригороде Вашингтона, для слияния с армией Д. Кокси, того уже успели арестовать: за вытопанные цветы на газоне у Белого дома.

Марш на столицу США провалился. Не лучше обстояли дела и у дезертировавшего из Армии Джека. В конце концов его арестовали в пограничном городишке Ниагара-Фоллс и посадили на тридцать дней в окружную тюрьму округа Эри. Это тоже была своеобразная школа жизни. По рекомендации тертого уголовника Приятеля его вскоре избавили от тяжелой работы – разгрузки пароходов в порту. Благодаря собственным связям с «бывалыми людьми» Джек стал коридорным, что позволило ему неплохо

питаться и изучать нравы обитателей тюрьмы – от долгосрочных заключенных, в том числе и женщин, до сурового обслуживающего персонала.

Познакомившись с жизнью этих людей, будущий писатель уверился в том, что никакой справедливости добиться здесь невозможно. Однако короткое знакомство с жизнью люмпенов подкинуло ему немало увлекательных историй, а когда он стал их записывать, ему грех было жаловаться на отсутствие тем или сюжетов. Заинтересовавший Джека устный рассказ бывалого человека оставалось только «отделать», довести до литературного блеска.

Привычным для себя способом – в холодных вагонах-рефрижераторах, в товарняках, груженных углем, Лондон преодолел тысячу миль по Канаде и добрался до порта Ванкувер. Там он устроился кочегаром на пароход «Уматилла» и благополучно вернулся в Сан-Франциско.

У него осталась записная книжка – своеобразный дневник на 73 страницах, с карандашными записями. Этого материала хватило на сборник очерковых рассказов «Дорога», напечатанных журналом «Космополитен мэгэзин» в 1907–1908 годах. Произведения, основанные на реальных происшествиях, окрашены не только оригинальными жаргонизмами. В них пробивается своеобразный юмор автора, не уступающий шуткам в рассказах О’Генри или в сценариях Чарли Чаплина. Дорога стала для писателя подлинной школой народной жизни.

Вернувшись домой после своих скитаний, 19-летний автор пока еще одного газетного рассказа пытается продолжить учебу в средней школе, где ему приходится общаться с четырнадцати – пятнадцатилетними юнцами и барышнями из приличных семейств, которые не выносят его развязных манер и предельно вульгарной, с их точки зрения, речи.

Джек Лондон и сам понимал, что ему надо как-то повышать свою культуру. Он публикует ряд очерковых рассказов в школьном журнале «Эгида», в том числе «Фриско Кид» и «Острова Бонин». В них ощущается огромный жизненный опыт, который и не снился его одноклассникам. Усиленно занимаясь самообразованием, этот практически взрослый школьник берет книги едва ли не на все шесть абонементов – он записал в библиотеку всех членов своей семьи. Тут ему пригодился как никто другой его давний знакомый, библиотекарь Фред Джекобс.

Днем приходится подрабатывать – убирать в той же школе, что еще больше отдаляет школьных приятелей, и особенно приятельниц, от бывшего матроса и бродяги. Самообразованием Джек занимается по ночам, в ущерб сну. Его настроения той поры описаны в «Мартине Идене». Автору этой книги, как и его герою, катастрофически не хватало тепла и человеческого участия.

Однако в городе существует клуб интеллигентных людей – клуб имени Генри Клея, где обсуждаются самые острые вопросы жизни. Там Джек Лондон не только привлек к себе внимание как оратор и мыслящий человек, но и сошелся с хорошими друзьями – студентом Эдвардом Эпплгартом и его сестрой Мэйбл, готовившейся поступать на филологическое отделение Калифорнийского университета. Семья эта выведена в романе «Мартин Иден» под фамилией Морз.

Джек в ту пору стал известен выступлениями в школе и на общественном митинге как оратор социалистического толка. В полицейском участке его обвинили в произнесении речи на «несанкционированном митинге», арестовали и продержали в камере три дня, после чего ему пришлось уйти из школы, где он проучился полтора года.

Оставив школу, Джек поступил на подготовительные курсы в Аламеде и очень скоро добился немалых успехов. Привычка и умение работать самостоятельно, в основном по ночам, сделали свое дело. Двухгодичные курсы он закончил в пятинедельный срок, и руководитель заведения даже вернул ему деньги, полученные от сестры Элизы. Три месяца Джек потратил на самостоятельное образование, работая уже по университетской программе и используя освоенную на курсах методику высшей школы. В пригороде Сан-Франциско Беркли он без труда сдал вступительные экзамены в Калифорнийский университет и, получив напрокат лодку у начальника рыбачьего патруля, помчался в Сасунский залив промыслять лосося и отмечать с друзьями свою будущую победу, не став дожидаться официального зачисления.

Общение с природой укрепило его здоровье, и вскоре этот белокурый красавец и почти джентльмен, правда, с выбитыми в очередной потасовке передними зубами, появился во дворе университета. Знавшие его по оклендской школе однокашники увидели перед собой другого человека – с привлекательной внешностью, вполне приличными манерами, с правильной речью и искрометным юмором. Сказывалось, очевидно, и влияние Мэйбл Эпплгарт, с которой они теперь нередко уединялись на окрестных холмах, совершая загородные велосипедные прогулки.

Джек умел ориентироваться в обстановке и постоянно работать над собой. Отец Мэйбл был вовсе не ограниченным чиновником-буржуа, как родитель Руфи Морз, а геологом – начальником геологической экспедиции, человеком трудной профессии. Скорее всего он и стал прототипом инженера Д. Скотта в повести «Белый Клык».

...Достоинно выдержав экзамены за первый семестр и втянувшись в учебу, Джек с огорчением почувствовал, что с университетом придется расстаться: Джон Лондон теперь не мог прокормить даже Флору, не говоря уж о взрослом сыне. Поначалу автор увлекательных рассказов надеялся на литературные гонорары, но журналы не хотели его печатать. Пришлось оставить университет и зарабатывать на жизнь в прачечной Бельмондской военной академии, переглаживая бесконечные горы белья. Здесь не нужно было платить за жилье и квартиру, поэтому весь свой заработок Джек отдавал матери.

...Именно в эту пору в Штатах началась золотая лихорадка. На купленной Америкой у России Аляске (1867) было обнаружено золото (1896), особенно большие запасы – в Клондайке. Стремление к наживе захватило разные общественные слои Америки. Однако за доставку туда нужно было заплатить немалые деньги, а при высадке на Аляску пройти своеобразный таможенный контроль и подтвердить свою платежеспособность, имея не менее пятисот долларов в кармане. Таких денег у Джека не было. Но тут ему вновь пришла на помощь сестра Элиза, заложившая собственный дом и отправившая в качестве компаньона на Аляску собственного престарелого мужа Джеймса Шепарда. Помимо всего прочего, понадобилось еще запастись продуктами, снаряжением, теплой одеждой. По иронии судьбы друзья отправились в дальнейшее путешествие на «Уматилле», где Джек в свое время работал кочегаром, возвращаясь из Ванкувера в Сан-Франциско. Отплыли они 25 июля 1897 года.

Для путешествия в суровых краях Джек решил сколотить собственную группу. Надежную компанию ему составили Фред Томпсон, шахтер Джим Гудман и плотник Слоупер. Высадившись в городе Джуно, они добрались на шлюпках до реки Дайи. Отсюда группе предстояло штурмовать Чилкутский перевал – самый крутой переход в этих местах.

Признав, что переход через Чилкут с грузом ему не по силам, Д. Шепард, как и многие другие слабосильные старатели, отправился в обратный путь на той же «Уматилле».

Джек остался со своими новыми друзьями. Через Чилкутский перевал он несколько раз пронес на плечах по сто пятьдесят фунтов груза, обгоняя при этом индейцев-носильщиков. Тут встретилось новое препятствие – озеро Линдерман. Для всех золотоискателей не хватило лодок, и снова люди разбрелись или повернули обратно. Но не такой оказалась четверка Джека. Срубив и распилив несколько сосен, они взялись за постройку двух плоскодонных лодок. Умение плотника Слоупера дополнили представления о надежных судах Джека Морячка, который руководил постройкой. Из брезента им удалось даже сшить паруса. Лодки были названы «Юконская красавица» и «Красавица Юкона».

Озеро друзья благополучно преодолели за несколько часов. Но у верховьев Юкона, в центре золотоискательства, Аппер-Айленде, их ждало новое испытание. Там скопилась целая флотилия застрявших у порогов лодок. Пороги под названием «Белая лошадь» для многих гребцов оказались непреодолимым препятствием. Лодки разносило в щепки на этих каменных глыбах. Однако навыки вождения судов помогли Джеку не только успешно переправить свои лодки, но и помочь какой-то супружеской паре справиться с порогами. Друзья заработали на переправе 3000 долларов. От других многочисленных предложений и рискованного заработка пришлось отказаться. Нужно было до наступления морозов попасть в столицу Клондайка Доусон, но свирепая зима застигла их в устье реки Стюард. К счастью, двигаясь в авангарде искателей золота и приключений, Джек и его товарищи успели занять брошенную кем-то из старожилов бревенчатую хижину и, приведя ее в жилой вид, поселились там на зиму.

Стоявшая на пути в Доусон хижина оказалась желанным приютом для многих горе-путешественников. Кто тут только ни побывал – и полисмены, и индейцы, и охотники, и полузамерзшие странники, даже старожилы-соседи заглядывали на огонек... Все это будущие персонажи «Белого безмолвия» и других рассказов писателя.

Ни одного грамма золота «великолепной четверке» добыть не удалось. Это вовсе не значит, что друзья бездельничали. Помимо чисто бытовых забот, они еще спускали плоты на продажу, вылавливали плавающие в реке деревья, выручая за них какие-то деньги. Не удавалось добыть лишь золото. Для этого вместо кустарной лопаты и лотка требовалось современное техническое оборудование. Золотая лихорадка оказалась красивой американской мечтой, очередной всеобщей авантюрой.

Но зато Джеку посчастливилось добыть другое – бесценный материал для литературного творчества, определивший оригинальную тематику и проблематику писательского труда, его тональность, что и помогло автору застолбить свое место не на Юконе, а в мировой литературе. И все это было получено из первых рук, не понаслышке. Писатель поистине нашел свою тропу в жизни и в литературе.

К 1900 году Джеку Лондону удалось не только пристроить свои очерки об Аляске, но и опубликовать сборник рассказов «Сын Волка».

Помимо мощной художественной энергетике, подпитываемой реальными процессами американской жизни, начиная с деяний первопроходцев, Джек Лондон увидел в Клондайке конфликт двух разорванных тысячелетиями цивилизаций – столкновение понятий и представлений «каменного века» с «веком железным». В отличие от своего любимого Киплинга, Дж. Лондон усмотрел в «консерватизме» индейцев, живущих преданиями и первобытными ощущениями, убедительную и своеобразную логику, правоту исторических и духовных ценностей, уже недоступных современному человеку. Бесспорна правота одних, имеют какой-то резон и доводы других, но конкретные люди, переходя в противоположный лагерь или возвращаясь в свой собственный мир, нередко разрываются между трагическими противоречиями разных веков и культур. В этом сила повествования Джека Лондона, масштабность его художественного и общечеловеческого мышления. Да, у него немало острых сюжетов, без которых не было бы ощущения суровой романтики, снежного безмолвия, риска и азарта золотоискательства, предельного выражения человеческой индивидуальности на грани существования. Однако нравственно-психологическая и философская составляющие в этих конфликтах то и дело дают о себе знать, совмещая жизненную конкретику с поисками высокого смысла человеческой жизни.

...Пережив трудную полярную зиму, друзья спустились на плоту вниз, к Доусону, где попали в гущу золотоискательской цивилизации. В Доусоне, тогда еще полупалаточном городке, уже были церковь, салуны, где устраивались на зиму хозяева с детьми и скарбом. Джеку и его друзьям довелось тут увидеть преуспевших золотопромышленников-старателей с волевыми подбородками и преступными наклонностями. Были здесь для контраста и аляскинские старожилы разных наций, пришедшие в эти края еще до золотой лихорадки и скептически относившиеся к новым пришельцам. Мир непредсказуемо менялся на глазах, менялись и его обитатели. Джеку Лондону были по душе такие

переломные моменты в жизни.

Но любоваться всей этой экзотикой и наслаждаться доусоновской цивилизацией пришлось недолго. Джека замучила цинга. Короткое лето пришлось провести в католической больнице, где его подлечили за умеренную плату. Джек не мог не удивляться религиозной благотворительности монахов в этих суровых краях. Оказывается, были еще люди, думающие о Всевышнем, а не о золоте!

Как только искатель приключений стал на ноги и немного окреп, он с двумя новыми друзьями – Джоном Торнсоном и Чарли Тейлором пустился в очередную авантюру – дальний и опасный путь в тысячу девятьсот миль на утлой ненадежной лодке вниз по Юкону. Так путешественники вошли в холодное Берингово море, стараясь далеко не отрываться от побережья.

Через девятнадцать дней после отплытия отважные гребцы-первопроходцы вышли к форту Святого Михаила. Здесь Джек устроился на пароход кочегаром и отправился сначала в портовую Британскую Колумбию, потом поездом до Сиэтла (штат Вашингтон) в вагоне четвертого класса, а оттуда «зайцем» на товарняках до Окленда: у «золотоискателя» закончились последние деньги. Домой он прибыл веселым и полным надежд, но без гроша в кармане. Здесь ему сообщили печальную весть – ушел из жизни отчим Джон Лондон, человек, сделавший немало для самого Джека и для его матери. Снова жизнь ставила будущего писателя перед вечной проблемой – как прокормить осиротевшую семью.

Лондона считают одним из самых реалистических рассказчиков в литературе морских приключений, да, пожалуй, и во всей американской литературе. Этому мастерству художественной речи он учился в кубрике, в арестантской камере, на привалах, в забитых до отказа товарных вагонах, где бродяги выдавали себя за политических борцов.

Прозаик Лондон, сохраняя повествовательный колорит, учитывающий особенности речи и психологию личности, судьбу героя, тончайшие детали событий и обстановки, стремился к лаконичному, интеллигентному комментарию, возвышающему сказанное персонажем (или их группой) до социально значимых проблем современной жизни. Неслучайно, чтобы быть на уровне своего века, автор штудировал Бэкона, Бабёфа, Прудона, Спенсера, Маркса, Дарвина, Фрейда. И его рассуждения, кстати, приведшие его к социалистической идее, выглядели отнюдь не тривиально или банально, несмотря на то что социализм, как и научный прогресс, многим казался

универсальной отмычкой или золотым ключиком ко всем проблемам жизни, что великолепно продемонстрировала Америка в своей золотой лихорадке. Умение трудиться писатель всегда выдвигал на первое место как лучшее человеческое качество – в сочетании со здоровьем, искренностью и философской концепцией жизни. Не так уж прост был этот увлекательный и занимательный автор!

Имитация писателем речи индейцев и чернокожих граждан Америки, насыщенная племенным фольклором с его особым характером восприятия мира, убеждает читателей в нравственно-мифологических ценностях уходящего «каменного века». Все это придает его прозе неповторимый колорит.

В не меньшей степени Лондона интересовали социальные особенности характеров и речи людей. Это хорошо выражено в рассказах, где героями выступают священники, – «По праву священника» и «Бог его отцов».

Есть в его произведениях люди из образованного общества – чиновники, адвокаты, офицеры. В одних случаях это просто беспомощные слюнтяи – «Мудрость снежной тропы», «В далеком краю», в других же – предприимчивые, отчаянные, а порой и безжалостно-бездушные белые люди – «За тех, кто в пути», «Жена Короля» и др. Последних смертельно ненавидят индейцы, как исключительно безнравственных завоевателей, – «Северная Одиссея», «Лига стариков» и др. Первобытная культура «каменного века» выступает на фоне современной «железной», беспощадной и порабощающей первобытные народы цивилизации. Одни духовные ценности сталкиваются с другими. И далеко не всегда «новое» побеждает в нравственно-духовном смысле старое.

Сами белые люди, американцы-старатели, часто проявляют худшие свои качества – жадность к наживе, готовность убить конкурента за крупинку золота. Эти отрицательные черты в чем-то смыкаются с первобытными инстинктами индейцев, но мотивы поведения коренных обитателей Аляски выглядят несравненно более возвышенными и благородными, хотя они тоже высоко ценят оружие и готовы отдать за него своих дочерей. Так происходит сближение противоположных полюсов, взаимодействие разных времен и культур.

Такое противостояние придает рассказам писателя не только заостренность конфликта и соревновательность персонажей, но и подчеркивает разное по своей природе умение бороться за жизнь, демонстрирует духовную самобытность и привлекательность героев. Разнонаправленность современного мира была предугадана Джеком Лондоном задолго до того, как о ней заговорили

современные политики и литераторы.

Общаясь с аборигенами и старателями-соотечественниками, писатель услышал немало увлекательных историй. Нередко такой рассказ был крепко сбит и сюжетно закручен, но в основе его лежала не первобытная борьба за обладание золотом или женщиной, а проблема утверждения полноценной человеческой личности, жизненные принципы которой дороже жизни. И такие незыблемые принципы часто демонстрировали индейские мужчины и женщины, а не физически слабые и коварные белые люди. Таким образом, психологический рисунок и внутренний сюжет повествования, выстраиваемый на почве человеческих отношений, постепенно отодвигают на второй план занимательность рассказа и остроту ситуации. Идеи в литературе тех лет нередко становятся важнее сюжета или стилового мастерства автора. Однако нельзя отрицать и установку Джека Лондона на занимательность повествования, на неукротимый фабульный бег его произведений.

В конце XIX – начале XX века Джек Лондон был одним из самых динамичных писателей в мире. Он хорошо уяснил и применил на практике изобразительные возможности зарождающегося немого кино. Если до него американская проза была преимущественно фантастико-романтической, то Лондон густо насытил ее реализмом, а порой и серьезной социальной проблематикой.

...Но пока XIX столетие подходит к концу. Джек Лондон снова весь в поисках работы. Ему удается пройти конкурс на должность почтальона с твердой ставкой 65 долларов в месяц. Однако когда такая возможность представилась, запротестовала самолюбивая Флора, велевшая сыну продолжать свои литературные опыты. Семь месяцев напряженного труда дали неплохие результаты. Во-первых, был первоначально обработан выигрышный северный материал; во-вторых, рассказ «За тех, кто в пути!» опубликовал журнал «Трансконтинентальный ежемесячник» («Оверленд мансли» в январе 1899 г.), пообещавший платить семь с половиной долларов за каждое принятое к печати произведение. В феврале того же года в этом журнале появляется «Белое безмолвие». Однако обещанных гонораров не присылают. Положение семьи остается катастрофическим.

Разъяренный писатель-моряк является в редакцию журнала (благо она тут же в Окленде) и вытряхивает заработанные им гроши, буквально взяв за горло издателей. Эта сцена красочно описана в «Мартине Идене».

Тяжелое финансовое положение нарушало личные планы самого Джека. Он хотел обзавестись семьей, жениться на Мэйбл Эпплгарт. Ему нравилась Мэйбл – изящная, умненькая и мягкая по характеру девушка из приличной семьи.

В отличие от Руфи Морз, Мейбл не была высокомерной неженкой, презирующей малокультурного Морячка. Она вложила в него уже немало. Им удалось, наконец, обручиться. Но ее мамаша сначала потребовала от будущего зятя материального обеспечения (к тому времени умер ее муж), а затем поставила условием обязательное совместное проживание с дочерью. Таких условий самолюбивый Джек никак не мог принять. Слабохарактерная же и послушная дочь не могла постоять за свое счастье.

В декабре 1899 года произошло чудо. Высокомерный ирландский журнал «Атлантический ежемесячник», выходивший в Бостоне и противопоставлявший «ирландскую культуру доброй старой Англии» полудикому и необразованному американскому Западу, вдруг согласился напечатать «Северную Одиссею». Мало того, он заключил с западным автором договор и тут же заплатил за короткую повесть 125 долларов гонорара, пообещав всячески поддерживать необычного для себя и чуждого для собственного направления писателя. Но весь гонорар был тут же растрочен Флорой, и Джеку пришлось занимать у друзей пять долларов, чтобы как-то отпраздновать успех и встретиться с отдаляющейся от него Мэйбл.

В это время случилось несчастье. Его друг времен учебы в университете, библиотекарь Фред Джекобс, пожелавший принять участие в испано-американской войне, погиб, и отнюдь не геройски – в армии он отравился мясными консервами.

После похорон Мэйбл попросила Джека утешить ее подружку Бэсси Маддерн – невесту покойного Фреда. Та неожиданно понравилась ему, хотя они были знакомы и раньше. Бэсси выглядела физически здоровой и «простой» в общении, вовсе не жеманной, скорее флегматично-деловой, а главное – не выдвигала никаких раздражающих требований. Закончив женский колледж, она давала уроки математики, занимаясь с отстающими школьниками и готовя абитуриентов в университет.

Джек решил, что такая жена не только не будет его раздражать, но у них могут быть здоровые полноценные дети. Правда, каждый из супругов пока еще любил другого, но об этом старались не вспоминать, не лукавить и не дразнить друг

друга. Что поделаться, если Мэйбл не может «бросить маму», которая оказалась несусветной эгоисткой, по оценке даже ее собственного сына Эдварда? Судьба уготовила возлюбленной Джека участь старой девы.

В 1900 году нью-йоркский издатель С. Мак-Клюр опубликовал рассказ «Сын Волка» и попытался наложить лапу на творчество перспективного молодого литератора. Передавая его произведения другим издателям, если сам не был в них заинтересован, он предложил ежемесячно платить автору по 100, а затем и по 125 долларов в счет будущего романа («Дочь снегов»). Теперь Джек Лондон завален предложениями, и это стимулирует его активность.

В том же 1900 году выходит первый сборник рассказов Джека Лондона «Сын Волка» (Бостон), в 1901 – второй – «Бог его отцов» (Чикаго). Однако, к своему удивлению, счастливый автор узнает, что сидит все же на мели. Все его заработки быстро растрачиваются женой и матерью. Между ними постоянно происходят бесконечные ссоры за влияние на сына и мужа. К тому же Джек стал отцом – в 1901 году родилась его дочь Джоан. В знак протеста против рождения девочки Джек порезал себе палец ножом – ему нужен только наследник.

Он чувствует, что заработался и устал до крайности – и от литературных трудов, и от издательских манипуляций, и от семейного климата. К тому же роман «Дочь снегов» не удовлетворил С. Мак-Клюра, и он передал его другому издателю, а тот потребовал существенных купюр и переделок. Мать Флора то и дело скандалит с невесткой Бэсси, не понимая, что писательский труд требует по крайней мере тишины и спокойствия.

Надо куда-то уехать, развеяться, обрести прежнюю форму. И вот при содействии «Американской ассоциации писателей» Лондон получает приглашение отправиться на англо-бурскую войну.

Предполагалось, что поначалу ему нужно будет взять интервью у британских генералов, чтобы записать хоть какими-то фактами, стратегическими сведениями и прогнозами (о будущем Трансвааля). Однако пока Джек оформлял нужные документы и добирался до Лондона, война неожиданно закончилась, и он оказался в огромном европейском городе как писатель социалистического направления, как гражданин Америки и, в конце концов, как турист. Такими возможностями грех было бы не воспользоваться.

И Джек Лондон в 1902 году неожиданно принимает умопомрачительное и дерзкое решение. Прежде всего, он намерен снять жалкое жилье в самой «непрестижной» части города – Ист-Энде, населенной бродягами, бездомными, пьяницами и проститутками. Товарищи журналисты отговаривают его от столь безумной затеи, предупреждают, что тут могут зарезать как ягненка в собственной постели. В ответ – лишь белозубая улыбка Джека.

Но и этого мало. В лавке старьевщика на Петтикот-лейн писатель приобрел «маскарадный» костюм – пиджак с одной пуговицей, грубые ботинки и, войдя в роль отставшего от своего корабля матроса-бича, начал вживаться в мир печально знаменитых английских трущоб. Над легендой ему особенно трудиться не пришлось. В Лондоне полно матросов («бичей»), в том числе и американских, нанятых на один рейс до столицы Великобритании. Здесь эти здоровые, физически полноценные люди без гражданства либо слонялись без дела, либо нанимались на самую низкооплачиваемую и грязную работу. Джек Лондон избрал для своей книги оригинальный способ знакомства с материалом – попытался сам, хотя бы временно, влезть в шкуру лондонского бедняка-изгоя.

Собрав огромный, исключительно ценный материал, писатель вернулся в родные пенаты, где жена «порадовала» его рождением второй дочери – Бэсс (1902). Джек безнадежно махнул рукой, но пальцы уже не резал.

В то же время ему удалось договориться в Нью-Йорке с солидным издательством «Макмиллан» о ежемесячном пособии в 150 долларов в счет будущих своих произведений. Оставалось только не спеша оформить собранный для «Людей Бездны» социально острый материал, который и был впервые опубликован в 1903 году.

В своей книге «Люди Бездны» автор рисует удручающую картину лондонской «бездны», или «преисподней», но это – по понятиям того времени. Людей, живущих за чертой бедности, в столице Великобритании насчитывалось 450 тысяч человек, из них бездомных – 123 тысячи, 17 тысяч пребывали в благотворительных заведениях, 19 тысяч получали от государства какое-либо пособие (типа нынешней субсидии). Общее число нуждающихся в английской столице составляло 7 %. Очевидно, любой мегаполис мира с более чем двухмиллионным населением мог бы сейчас гордиться такими показателями. 5–7 % нищих во всем мире теперь, во времена научно-технического прогресса, считается нормой.

Как видим, писатель-социалист подошел к проблеме системно и научно, используя статистику, почерпнутую из официальных источников и архивов Великобритании, в том числе и опубликованную Армией Спасения. Последняя пыталась что-то делать для бедных – хотя бы раз в день накормить всех желающих горячей пищей. Правда, порой за это благо им приходилось мести улицы, убирать мусор или снег. Но самым чудовищным автору показалось то, что в благодарность за пищу и тепло несчастные должны еще выслушивать многочасовые религиозные проповеди. Экое лицемерие благодетелей! Это даже хуже, чем в родной Америке.

Вывод автора суров и однозначен: «Негодная система управления. Цивилизация несет с собой многочисленные блага, но рядовой англичанин не получает своей доли... Цивилизацию нужно заставить служить интересам простого человека». Такой лозунг в наши дни не менее актуален, чем сто с лишним лет назад.

Нечто подобное происходило и во многих других странах, в том числе в России. В один год с «Людьми Бездны» была написана и поставлена горьковская пьеса «На дне» (1902), получившая мировую известность. Кстати, в русском переводе сочинение Лондона «Люди Бездны» появилось под названием «На дне» (1906).

Конечно, Джек Лондон поставил перед обществом жгучую социальную проблему, нарисовал безысходную картину народной жизни в одной из самых развитых стран Старого Света. И не его упрекать в том, что он не учел каких-то наследственных, генетических факторов, порочной антисоциальной или даже уголовной ориентации некоторой части обитателей бездны, хотя речь идет об алкоголизме, анемичности и психических отклонениях. Наука той поры еще не могла глубже проникнуть в мир проблем трущоб. Не было и горького опыта реального социализма. Однако надо признать, что система субсидий и страхования, существующая сейчас в развитых странах, в немалой степени облегчает участь бедняков.

Социалистический идеал, как его понимал Джек Лондон, был тогда весьма современен и прогрессивен. Во многом он определил сферу изображения, стиль, а нередко и пафос литературного творчества автора, порой далекого от воссозданной им городской среды. Джек Лондон решительно вышел за пределы Клондайка и морских приключений, проникся судьбой маленького человека и заставил правителей всерьез задуматься над перспективой грядущей революции.

Неслучайно его книга пользовалась огромной популярностью. Ее издавали не только социалистические партии, но и самые престижные издательства Европы и Америки. Считали, что писатель сделал ощутимый прорыв в своем творчестве и «Бездна» обессмертила его имя. И когда в России началась революция 1905 года, Лондон искренне ее приветствовал и оправдывал ее негативные стороны, что вызвало возмущение так называемых «простых американцев» – среднего класса, одобряющего правопорядок и особенно конституцию.

Еще в 1903 году, прекрасно понимая, что он уже достиг определенных вершин в рассказах об Аляске и золотой лихорадке, Джек Лондон старался художественно освоить новые сферы социальной жизни, что не сводилось к автоматическому переключению писательского регистра.

Клондайкские рассказы за несколько лет также изменили свою форму. Они стали отличаться не столько остротой сюжета, сколько постижением психологии персонажей, выходом повествования на новый морально-этический и социально-философский уровень. Поэтому критерии оценки изображаемого становятся со временем многообразными, а форма повествования – полифоничной, многосоставной. В какой-то мере писателя уже не удовлетворял жанр небольшой новеллы. Он чувствовал себя в силах претендовать на более солидный жанр – такой, как роман.

Назрела необходимость в освоении жанров повести и романа при сохранении гедонизма[1 - Гедонизм – философско-этическое учение, признающее наслаждение высшим благом, целью жизни.] художественного мироощущения и своеобразной эстетики слога, которую читатели так высоко оценили в сочинениях Джека Лондона. Тут ему повезло. Один из самых влиятельных, популярных и высокооплачиваемых журналов – «Сатердей ивнинг пост» неожиданно не вернул присланную по почте рукопись, а согласился печатать повесть «Зов предков» (1903), прислав в качестве аванса чек на 750 долларов. Эта повесть также о Клондайке. Но события увидены здесь глазами собаки, помеси сенбернара с шотландской овчаркой – сильного и от природы доброго пса, которого продали в настоящее рабство. Возненавидев своих мучителей и разделавшись со многими из них, Бак становится вожаком волчьей стаи. Его возвращение к предкам – волкам более чем символично. В этом произведении писатель не только освоил новый пласт «собачьей жизни», развивая известную с античности тему – жизнь животных, но и уловил некую общую логику развития современного мира, захватившего в свой индустриальный водоворот практически все, что окружает человека, стоящего в центре мировой

цивилизации. Такова концепция жизни и разнообразные формы протеста против существующего миропорядка любого живого существа.

В ту пору Джек Лондон уже жил в дачной местности – пригороде Сан-Франциско Пьемонте. К нему часто приезжала разведенная теперь сестра Элиза Шепард, чтобы улаживать отношения между Бэсси и Флорой, гасить семейные скандалы. Обстановка в доме становилась все более невыносимой. Джек, общаясь в это время с давней своей знакомой (с 1899 года), эмигранткой из России социалисткой Анной Стрункой, гостившей у них по приглашению Бэсси, с женами и подругами своих бывших товарищей по университету, понимал, что и без того суховатая жена стала непогрешимой матроной, человеком, с которым он не мог свободно обмениваться мыслями. А писателю хотелось вернуться к морской теме, обновить в памяти полузабытые впечатления мятежной юности. Он покупает яхту «Спрей» («Морская пена») и переезжает в родной свой городок – местечко Глен Эллен, поселившись с семьей на даче в Лунной долине, чтобы разлучить наконец жену и мать.

Теперь предстояло с головой окунуться в работу. Джек выходит на собственной яхте со своим другом Джорджем Стерлингом (местный «богемный» поэт) в залив Сан-Франциско, где до обеда упорно трудится над «Морским волком», потом друзья стреляют уток, ловят рыбу, готовят ужин. По воскресеньям берут с собой на морскую прогулку Элизу с сыном, Бэсси с дочерьми и целую ораву детей из окрестных дач.

«Морской волк» основан на воспоминаниях времен плавания на «Софи Сазерленд». Там часто говорили о легендарном капитане Алексее Маклине, который не верил ни в Бога, ни в черта, но был необыкновенной личностью – отважным моряком, вышедшим победителем из самых трудных переделок. Эту морскую легенду автор невольно связал с представлениями о сверхчеловеке, хорошо известными из сочинений Ф. Ницше и Р. Киплинга.

Новый индивидуальный стиль писателя, дающий о себе знать в этой повести, создавался во взаимодействии с великим традиционным стилем морской приключенческой литературы.

Запас своих морских впечатлений Лондону удалось существенно обновить – 7 января 1904 года в качестве американского корреспондента он отправляется в Токио, чтобы успеть к началу русско-японской войны. Однако хитрые японцы никого на фронт не собирались пускать. Они устроили для корреспондентов

нечто вроде базы отдыха – с баром и развлечениями, пичкая «акул пера» лишь официальными цензурованными сообщениями.

Джек Лондон решил вырваться из этой информационной блокады. Он хотел отправиться сначала в Нагасаки, оттуда попасть на Корейское побережье и по Желтому морю добраться до линии фронта в Чемульпо. С этой целью писатель купил джонку, нанял команду из трех корейцев и кое-как в течение шести суток, преодолевая штормы и стужу (это была довольно суровая зима), простуженный и обмороженный прибыл к месту назначения. И как на грех начал еще что-то фотографировать в Пхеньяне. Его тут же арестовали и отправили в сеульскую военную тюрьму, как русского шпиона и разбойника. К тому же он еще накануне избил обокравшего его местного вора. В лучшем случае новоиспеченному журналисту грозил многолетний срок тяжелого заключения. В худшем – военный трибунал и смертная казнь.

К счастью, друзья журналисты вовремя забили тревогу. Один из них, Р. Дэвис, связался с Белым домом, и после прямого вмешательства президента США Теодора Рузвельта Джек Лондон был освобожден, а в июне того же года благополучно доплыл до Сан-Франциско.

Как утверждали газеты, 19 корреспонденций, отправленных раньше, а затем корейские фотографии стали едва ли не единственным ценным репортерским материалом, добытым на этой бесславной для России войне.

Поездка на Восток оживила писательские впечатления. В Японии и Корее автор «Белого безмолвия» встретился с людьми, похожими на индейцев Аляски, с теми же трудностями морского плавания и пешего перехода по скалистым тропам, с тем же хамством и бестолковостью военных властей.

По прибытии домой его ждала неприятная новость – Бэсси подала на развод, а все его банковские счета оказались замороженными. Виновницей семейной распри оказалась Чармиан Киттрэджд, которая обладала литературными способностями и мечтала стать единомышленницей и другом писателя. Правда, Чармиан была старше Джека на пять лет.

Теперь писатель вынужден был построить в Пьемонте дом для бывшей жены и девочек, а сам в ноябре 1905 года после развода с Бэсси перебрался с новой женой Чармиан в родной для него Глен Эллен, где купил сначала живописное

ранчо, а несколько позже и 800 акров виноградника. Этот свой уголок он назвал «Ранчо красоты».

Планов у Лондона было немало, но главным занятием оставалась литература, помимо пропаганды социалистических идей в Калифорнийском университете, где он вызвал целую бурю своим выступлением.

Особенно громкий успех ждал его в Йельском университете (штат Нью-Йорк) в 1906 году. Студенты и рабочие восторженно встретили оратора (тема его лекции – «Революция», присутствовало на ней более 3000 человек). Недаром Социалистическая партия Америки выдвинула писателя кандидатом не только в мэры Окленда (1901, 1905), но и в Президенты США. Откровенная поддержка любой революции, прежде всего русской, вызвала горячий энтузиазм одних и яркую ненависть других. Двери ряда солидных издательств для Джека Лондона были закрыты, а его книги изымались из американских школ и библиотек.

Однако Джек был далеко не самый «праведный» социалист: он считал, что каждый может жить достойно и даже богато, но этого благополучия надо добиваться упорным трудом, а не отнимать и делить чужое. Писатель не представлял себе американский тип социализма без сметки и предприимчивости своих соотечественников, без постоянного преобразующего жизнь труда.

Работа над повестью «Белый Клык», «Рассказами рыбацкого патруля» и почти одновременно – над «Дорогой» стала свидетельством необычайного синтеза различных впечатлений его жизни и тематики творчества.

К тому времени в Америке появилось множество подражателей мэтру, некоторые из них выдавали себя за Джека Лондона. Немало мистификаций проникло и в Россию.

Рассказы же, написанные по модели его произведений, стали неотъемлемой частью литературной жизни Америки. Это снижало их цену, подрывало финансовую базу самого основоположника жанра. Приходилось постоянно двигаться вперед, осваивать новые творческие материки.

Джек Лондон – человек кипучей энергии, жаждущий перемен и приключений. Реальную жизнь, полную риска и неожиданностей, он ставил выше собственного творчества. Таким писатель проявил себя во всем. Желая привести в порядок

фермерское хозяйство на «Ранчо красоты», он по примеру Л. Толстого поставил перед собой задачу обновить выродившиеся породы калифорнийских лошадей (в первую очередь его интересовали мощные тяжеловозы-першероны), закупить породистых йоркширских свиней, ангорских коз и овец, культивировать лучшие, элитные сорта зерновых и винограда, чтобы поднять уровень всего сельского хозяйства края. Каждому работнику своей фермы Джек старался платить достойную зарплату и, помимо дома, выделить по сто акров земли.

Не успев достроить даже собственный дом и поселившись в слегка отремонтированной летней даче, Джек загорается новой идеей: построить шхуну и совершить на ней кругосветное путешествие – начать с Дальнего Востока, затем, повернув на запад, пересечь Атлантику, попасть в Старый Свет, объехать все европейское побережье и посетить русскую столицу Петербург. Путешествие, рассчитанное на семь лет, должно было дать Лондону свежие впечатления, в которых он остро нуждался.

Вместительная шхуна была названа «Снарк» – в честь одного из мистических животных «Охоты на Снарка».

Строился «Снарк» по собственным чертежам Лондона, лично руководившего строительством и принимавшего непосредственное участие в плотничьих работах. В то же время писатель лихорадочно трудился, чтобы покрыть непредвиденные финансовые расходы. Один из лучших циклов его рассказов «Любовь к жизни» написан именно в этот период строительной лихорадки. Создан был и острый социальный роман «Железная пята», где писатель предвидел будущую фашизацию Европы.

2 апреля 1907 года «капитан» Лондон предпринимает первую попытку проверить надежность судна – сначала в южных морях. Вместе с ним отправляется в поход и Чармиан – «помощник капитана», как шутливо называет ее муж. Шхуна сразу же застревает при спуске на воду, едва не переворачивается, затем дает течь, но опытный шкипер мужественно устраняет все неполадки. Выходят в открытое море, скорее даже – в открытый океан через Золотые Ворота, но увы! – без мощного мотора и со сломанным начисто брашпилем. Команда корабля на 90 процентов состоит из новичков, имеющих весьма слабое представление о морском деле.

Первая половина дня уходит на литературную работу, вторая – на ловлю рыбы, приготовление обеда. Затем обед, фотографирование необычных мест, вечерние

развлечения. Во время шторма хозяину судна приходится выполнять обязанности рулевого и капитана одновременно. Неожиданно к нему на помощь пришла жена Чармиан. Она оказалась смысленной и мужественной женщиной, часами выстаивая в штормовую погоду у штурвала. Прозвище «капитан» теперь закрепилось за ней всерьез. У писателя грандиозные литературные планы.

Так началась южная одиссея Джека Лондона.

Помимо путевых очерков, главное его многочасовое занятие – работа над романом «Мартин Иден».

Первую остановку судно делает в печально прославившемся впоследствии гавайском порту Пирл-Харбор. После Гавайских островов следуют Маркизские, весной 1908 года – Таити, затем – Фиджи, Новые Гебриды, Соломоновы острова и др. Джек Лондон сумел впервые в мореплавании преодолеть в тяжелейший шторм расстояние от Гавайев до Маркизских островов на судне такого типа, как «Снарк».

Впечатления, полученные во время путешествия, составили содержание цикла «Рассказы южных морей» и романа «Приключение», а также тома очерков «Путешествие на “Снарке”». Плавание оказалось не из легких. Команда страдала от тропической лихорадки, у членов экипажа и у жены Чармиан вздувались огромные волдыри на теле, превращавшиеся в язвы. Сам Джек держался молодцом, как умел, даже лечил заболевших. Оставив судно на попечение пьяницы капитана Роско, он вынужден был возвратиться домой, чтобы уладить свои запутанные финансовые дела. Падкие до сенсаций журналисты объявили, что столь несовершенное судно вместе с его взбалмошным хозяином-авантюристом нашло вечный покой в южных морях, а банки, воспользовавшись ситуацией, закрыли на время почти все его счета.

По возвращении на «Снарк» Джек оставил свою яхту в какой-то гавани, поскольку вся команда страдала от малярии, а сам устроился на судно, вербующее туземцев-бушменов на работу в Штаты. Тут он попал под обстрел отравленными стрелами туземцев-людоедов, затем жил две недели вместе с Чармиан на острове прокаженных и совершил немало других авантур, следуя причудам своего непредсказуемого характера. Его замечательный рассказ «Кулау-прокаженный», а также главы очерковой книги «Путешествие на “Снарке”», где рассказывается о вырождении сильных и гордых туземцев, вкусивших плоды современной цивилизации, дают представление о занятиях

писателя.

Наконец «Снарк» берет курс на австралийское побережье. Но в сентябре 1908 года Лондон свалился сам, пораженный какой-то неизвестной болезнью. Обязанности капитана взял на себя некий Уоррен, отсидевший пять лет в тюрьме Орегона за убийство.

Увы, Джеку сейчас не до яхты: у него чудовищно распухли руки и ноги. В мае 1909 года врачи сделали ему операцию в Сиднее, вырезав какую-то застарелую язву-свищ, но точный диагноз так и не был поставлен.

Писатель еще не подозревает, что пережитые им испытания и изнуряющий режим работы в течение многих лет подорвали его здоровье. «Снарк», стоивший ему 40 000 долларов, пришлось продать в Сиднее всего за три с половиной тысячи.

После более чем двухлетних скитаний путешественник возвращается морем в свой несравненный Сан-Франциско на «Ранчо красоты». Дома он начал строительство большого каменного здания, которое назвал «Домом Волка» – в честь своего знаменитого произведения, а также потому, что индейцы Аляски именуют Волком любого белого человека. К тому же ему самому нравилось прозвище «Морской волк», которым иногда называл его экипаж «Снарка».

Самым большим литературным достижением писателя в то время – неким итогом его путешествия стал роман «Мартин Иден». В романе отразилось все пережитое самим автором и воплощенное в его герое, выходе из социальных низов.

Возвратившись на «Ранчо красоты», Джек Лондон поправился и снова стал похож на пышущего здоровьем преуспевающего американца. Правда, это лишь внешняя оболочка, далеко не всегда отражающая его внутреннее состояние. Писатель полностью посвящает себя фермерскому хозяйству и литературному творчеству. И хотя Джек не упускает случая выйти на своем новом суденышке «Ромер» («Скиталец») в залив Сан-Франциско или добраться до самого Нью-Йорка, большую часть времени он проводит в седле, объезжая на племенном жеребце Ошо Бане свои новые владения. Он постоянно раздумывает над тем, как улучшить истощенную калифорнийскую землю, варварски эксплуатируемую со времен ухода испанцев. Его проекты восстановления прежней природы,

улучшения быта рабочих вызывают насмешки местных фермеров и забулдыг. К писателю присосались сотни прилипал, которые уверены, что деньги ему достаются даром. Из пятидесяти тысяч долларов, отданных в долг, ему возвратили в трудную минуту лишь 50. Джек Лондон заботился об интересах рабочих, занятых на постройке великолепного Дома Волка. Но ему, как и всякому человеку, взявшемуся не за свое дело, фатально не везло. Получив за литературный труд более миллиона долларов, он нередко оставался без гроша в кармане, задолжав огромные суммы кредиторам.

«Моряк в седле», как думал назвать писатель одну из своих книг, не случайно терпел в жизни одно поражение за другим. Породистые коровы и свиньи то и дело «падали» от «современного» американского содержания на цементных полах. Особенно потрясла Джека гибель жеребца Ошо Бана, за которого было выложено немало денег, как и пристреленной кем-то в поле породистой жеребой кобылы. Никому не нужными становились и выносливые тяжеловозы-першероны – наступала эпоха тракторов и автомобильного бума... Прогулки с Чармиан в фаэтоне на хорошей четверке лошадей были шиком вчерашнего дня. Такая мода уже не производила впечатления на окружающих. Оставалась идиллическая надежда – соорудить двадцатикомнатный Дом Волка, куда Джек собирался пригласить всех своих друзей. Однако и ей не суждено было сбыться.

21 августа 1913 года строительство дворца было окончательно завершено. Оставалось только подключить электричество и убрать строительный мусор. И тут произошло невероятное. «Замок», в котором, по утверждению недоброжелателей Лондона, не подобало жить социалисту, среди ночи вдруг вспыхнул как свеча. Скорее всего это был кем-то организованный поджог.

Четыре дня хозяин пролежал в нервном расстройстве. А едва встав на ноги, пошел осматривать собственные «Руины» – новое наименование того, что осталось от «замка». Утешение Джек Лондон находит в работе. Помимо уже опубликованных рассказов и очерков о тропических приключениях (почти все они вышли в 1911 году), писатель пишет цикл повестей «Лютый зверь», роман «Лунная долина» (1913), где речь идет о высоком смысле жизни и предназначении человека.

Ему вновь захотелось встряхнуться и отправиться военным корреспондентом на войну с Мексикой, куда уже прибыли корабли США (1914). Однако снова подвело здоровье. Заболевший дизентерией корреспондент отказался от контракта с журналом «Кольерс» и возвратился на родину. Войны, впрочем, удалось

избежать – все закончилось мирно. Как память об этой поездке остался впечатляющий рассказ «Их дело – жить».

Джек не дает себя сломить болезням, он не сдаётся. Писатель работает над экранизацией «Морского волка» и пишет киносценарный роман «Сердца трех», а в феврале 1915 года отправляется с Чармиан на Гавайские острова, чтобы обновить прежние впечатления и закончить повесть «Джерри-островитянин». Тут автор повести выступает прямым предшественником Хемингуэя и других американских литераторов.

Только в мае Джек Лондон возвратился в Глен Эллен. Но в июле его опять тянет на Гавайи – задумано продолжение повести «Майкл, брат Джерри». Однако чувствует он себя все хуже и хуже. У него уже нет сил и желания не только что-либо строить, но и участвовать в работе Социалистической партии, которой он отдал пятнадцать лет жизни. Разочаровавшись в социалистическом движении, писатель вместе с женой Чармиан выходит из рядов партии.

Теперь автор «Мартина Идена» страдает от ревматизма и уремии. Он то и дело впадает в депрессию, порой, вопреки своим твердым принципам, прикладывается к рюмке.

Больной писатель все же собирается в Нью-Йорк, чтобы в очередной раз встряхнуться и подышать воздухом Атлантики, но в день предполагаемого отъезда – 22 ноября 1916 года его находят в постели без сознания: Джек принял большую дозу снотворного.

На его столе нашли расчеты этой «дозы». Усилия врачей оказались напрасными. На следующий день Джека Лондона кремировали, и после панихиды в Окленде прах его был погребен на великолепном холме «Ранчо красоты», под отполированным ледником красным камнем, которому не нашлось места при строительстве Дома Волка. Но на самом камне словно бы лежит печать вечности.

Так в 40 лет оборвалась жизнь этого красивого и необыкновенно талантливого человека, бунтаря, мастера слова, определившего пути развития американской и мировой литературы XX века, особенно в малом жанре и приключенческой повести. За кажущейся простотой его слога и занимательностью повествования стоит упорный труд писателя-самоучки, достигшего в своем деле немыслимых литературных вершин, совместившего красоту словесно-эстетического

выражения со стремлением осмыслить все происходящее в свете самых серьезных научно-философских идей XX века.

Наиболее значительные работы, посвященные жизни Джека Лондона

1. Ирвинг Стоун. Джек Лондон. Моряк в седле. – М.: Молодая гвардия. ЖЗЛ, 1962.
2. Оберт Алтроп. Джек Лондон, человек, писатель, бунтарь. – М.: Прогресс, 1981.
3. Ф. С. Фонер. Джек Лондон – американский бунтарь. – М.: Прогресс, 1966.

Предисловие автора

Да простит мне читатель то, что мое предисловие начнется с небольшой похвальбы. Для меня этот роман является в известном смысле юбилейным. Завершив работу над ним, я праздную свое сорокалетие, свою пятидесятую книгу, шестнадцать лет писательского труда и мое новое достижение.

«Сердца трех», несомненно, новое достижение! Я еще никогда не писал ничего подобного и почти уверен, что больше и не напишу. Без ложной скромности открыто заявляю, что горжусь этим романом. Теперь я хочу обратиться к читателям, интересующимся только фабулой. Им следует сразу же приступить к чтению первой главы, пропустив несколько хвастливое предисловие. Пусть они сами скажут: ну разве не увлекательный получился рассказ?

Более любознательным читателям я дам еще кое-какие разъяснения.

Благодаря растущему успеху кинематографа, который является теперь самым популярным зрелищем во всех странах мира, общий запас литературных сюжетов стал быстро истощаться. Одна-единственная кинокомпания может при двадцати режиссерах в течение года инсценировать все произведения Шекспира, Бальзака, Диккенса, Скотта, Золя и Толстого и, кроме того, сочинения еще нескольких десятков менее плодовитых писателей. А поскольку появились сотни таких компаний, им сразу же стало не хватать сырого материала для

создания сценариев кинофильмов.

Эти компании немедленно приобрели права или заключили временные контракты на экранизацию всех повестей, рассказов и театральных пьес, еще не защищенных авторским правом. Литературный материал, на который срок авторского права уже истек, подхватывался ими еще быстрее, чем самородки золота жадными искателями, и тотчас подвергался переработке для экрана. Тысячи людей, вернее, даже десятки тысяч, ибо буквально все – мужчины, женщины и дети – кинулись писать сценарии – грабили литературу всех стран (подчас невзирая на авторские права), набрасывались на только что вышедшие журналы и присваивали себе любой новый сюжет, любой новый рассказ, любую завязку и развязку, когда-либо придуманные кем-либо из пишущей братии.

Справедливости ради, однако, нужно упомянуть, хотя бы вскользь, что этот грабёж происходил в те совсем недалекие времена, когда написание сценариев для кино считалось занятием вовсе не почтенным, когда несчастные сценаристы, работая чуть ли не круглые сутки, получали в неделю долларов пятнадцать-двадцать от какого-нибудь высасывавшего из них все соки директора либо, торгуя в розницу, отдавали свои произведения долларов по десяти-двадцати за штуку. При этом им обычно не выплачивали и половины обещанных денег, или же «вор крал у вора дубинку», и добро, украденное одним, похищал его столь же беспардонный и наглый собрат. Так было еще вчера. Сегодня все обстоит иначе. Я лично знаю сценаристов, которые имеют по три автомобиля, держат двух шоферов, отдают своих детей в самые престижные учебные заведения – людей, живущих в условиях все возрастающего благополучия.

Именно благодаря нехватке исходного материала и возросла роль сценаристов. К ним начали относиться с уважением, их труд стал лучше оплачиваться, зато повысился и спрос с них. Поиски новых сюжетов привели кинобизнес к попытке сотрудничества с известными авторами, хотя если человек создал десятка два хороших романов, это еще не означает, что он сумеет написать хороший сценарий. Скорее наоборот: выяснилось, что именно хорошим беллетристам трудно написать приличный сценарий.

Тем не менее кинокомпании не отступились от своего. Вся суть, по их мнению, заключалась в разделении труда. Они начали заключать контракты с могущественными газетными ассоциациями. Иногда же сами газеты предлагали подобное сотрудничество (так было, например, в случае с «Сердцами трех»). В

результате успешные сценаристы (не сумевшие бы ни при каких обстоятельствах написать роман) стали сочинять сценарии, а эти сценарии переделывались в романы писателями (которые не смогли бы ни за какие деньги написать хороший сценарий).

И вот однажды является некий мистер Чарлз Годдард к некоему Джеку Лондону и говорит: «Время, место и действующие лица – все установлено; режиссеры, газеты, капитал – налицо. Давайте работать вместе». И мы стали работать. Результат – «Сердца трех». Если к этому добавить, что мистер Годдард инсценировал фильмы «Приключения Паулины», «Подвиги Эллен», «Богиня», «Быстро богатеющий Уоллингфорд» и другие, то всякому станет ясно, насколько неуместен даже вопрос о его мастерстве и компетентности. Кстати говоря, имя героини повести – Леонсия придумано тоже им.

Первые эпизоды сценария мистер Годдард написал, когда гостил на моем ранчо в Лунной долине. Но он работал быстрее меня и закончил свои пятнадцать эпизодов гораздо раньше. Пусть слово «эпизод» не вводит вас в заблуждение. Первый эпизод охватывает тысячу метров киноплёнки, на каждый из остальных четырнадцати приходится по семьсот метров. При этом один эпизод включает приблизительно девяносто сцен, что дает в общей сложности около тысячи трехсот сцен.

Работать мы с мистером Годдардом начали параллельно. Я писал главу, заранее не задумываясь над тем, что должно случиться в следующей – сам этого не знал. Мистер Годдард тоже не знал. В результате оказалось, что в «Сердцах трех» иногда отсутствует логическая связь, хотя в целом повесть отличается последовательностью изложения.

Представьте себе мое удивление, когда я, находясь здесь, на Гавайских островах, и трудясь над десятым эпизодом, вдруг получил из Нью-Йорка от мистера Годдарда сценарий четырнадцатого эпизода, откуда узнал, что мой герой уже женился – правда, не на той, на которой бы следовало. И мне остается всего один эпизод: герой должен избавиться от первой жены и связать себя брачными узами с женщиной, предназначенной ему изначально. Обо всем этом вы узнаете в последней главе пятнадцатого эпизода[2 - Фактически в романе отсутствует деление текста на эпизоды.]. Недаром же мистер Годдард – мастер своего дела. Ибо он – король действия и бог быстроты. Ему никогда не приходится задумываться над развитием сюжета во время съемок. «Изобразите!» – говорит он, и артисты, видимо, «изображают», поскольку мистер

Годдард тотчас же идет дальше.

«Изобразите горе, – велит мистер Годдард, – или огорчение, гнев, трогательное чувство, жажду крови либо намерение покончить с собой». Этим все и ограничивается – ограничивается поневоле, так как иначе ему бы вовеки не удалось закончить тысячу триста сцен.

Представьте себе теперь меня, несчастного! Я ведь не могу произнести магического слова «изобразите»! И мне волей-неволей приходится описывать (а это не так-то скоро делается) все настроения и чувства, которые мистер Годдард создает мимоходом, одним мановением своего волшебного жезла. Подумать только, что Диккенс тратил по тысяче слов на подробное описание и тонкий анализ чувств одного персонажа. А мистер Годдард произносит только слово «изобразите!» – и рабы экрана повинуются.

А действие! Я в свое время написал немало приключенческих романов, но даже во всех вместе взятых вы не найдете столько действия, сколько его имеется в романе «Сердца трех».

Зато теперь мне понятно, почему кино пользуется такой популярностью. Почему «Бернс из Нью-Йорка» и «Человек из Техаса» были распроданы в миллионах экземпляров. Отныне я знаю, почему одна умело произнесенная речь подчас завоевывает оратору больше голосов, чем самые благодетельные и мудрые политические акты, самые возвышенные мысли.

Новеллизация сценария мистера Годдарда оказалась для меня весьма интересным и в высшей степени поучительным опытом. Благодаря ему мои прежние выводы в области социологии получили новое освещение, мне открылись причины и связь многих явлений. Приобретенный опыт помог лучше понять людей. Я осознал, что демагог, хорошо знающий народную душу, всегда поведет народ за собой только потому, что способен дать толпе яркие зрительные впечатления. Поэтому буду крайне удивлен, если мой роман не получит широкого распространения. («Изобразите удивление», – как сказал бы мистер Годдард, или: «Изобразите быструю распродажу!»).

Если в основе истории с романом «Сердца трех» и лежит сотрудничество, то, признаюсь, я в восторге от такого сотрудничества. Но увы! – боюсь, что такие, как мистер Годдард, встречаются не чаще, чем один на миллион. Ни разу мы с

ним не поспорили, ни разу не разошлись во мнениях. Правда, и я, очевидно, жемчужина среди авторов. Ведь я позволил ему «изображать» все, что ему было угодно, на протяжении пятнадцати эпизодов и тысячи трехсот сцен длиной в десять тысяч метров пленки. При этом я ни разу не пожаловался, хотя по его воле мне пришлось написать сто одиннадцать тысяч слов.

И все же теперь, когда моя работа окончена, я сожалею о том, что написал этот роман, – сожалею потому, что хотелось бы самому прочесть его и узнать, легко ли он читается. Очень мне это любопытно знать. Очень, очень любопытно!

Джек Лондон

Уайкики, Гавайи

23 марта 1916 г.

Там, спина к спине, у грота...

Вы хотите жить без горя?

Ну, так слушайте меня:

Только океан и море

Вас, пиратов, опьянят.

Ветра свист и глубь морская!

Жизнь недорого. Эгей!

Там, спина к спине, у грота

Отражаем мы врага!

Где кинжал и пистолеты?

Быть хорошему деньку!

Бей из пушек по бульварку[З - Бульварк – отверстие для пушек в бортах военного судна.]

И дорогу тесаку!
Ветра свист и глубь морская!
Жизнь недорого. Эгей!
Там, спина к спине, у грота
Отражаем мы врага!
Ну и славная пожива,
Всем ветрам не раздарить!
Пусть они о жизни молят,
Капитана не щадить!
Ветра свист и глубь морская!
Жизнь недорого. Эгей!
Там, спина к спине, у грота
Отражаем мы врага!
Поделом тому, кто сдался!
Сильным побеждать дано!
Нам и груз, нам и красотки,
Что останется – на дно!
Ветра свист и глубь морская!
Жизнь недорого. Эгей!
Там, спина к спине, у грота
Отражаем мы врага!..

Джордж Стерлинг

В это позднее весеннее утро события в жизни Фрэнсиса Моргана чередовались с невероятной быстротой. Вряд ли кому-то еще пришлось пережить такой резкий скачок во времени и так внезапно попасть в яркую, полную жизни драму, вернее, даже трагедию; вряд ли кому-то другому удалось так близко соприкоснуться с удивительной – то ли первобытной, то ли средневековой – мелодрамой, в которую подчас превращается жизнь народов латинской расы, населяющих Среднюю и Южную Америку, – народов, как известно, отличающихся пылкими чувствами и необузданными страстями. Да, можно сказать, что в это утро судьба не церемонилась с Фрэнсисом Морганом!

Однако пока он лениво валялся в постели, не зная даже, пробудился ли мир ото сна. Да и сам Фрэнсис еще окончательно не проснулся. Накануне он до поздней ночи играл в бридж и потому поздно встал. Поздно позавтракав фруктами, молодой человек направился в библиотеку – элегантно обставленную, но выдержанную в строгом стиле комнату. Отсюда его отец до конца своей жизни отдавал распоряжения, занимаясь многочисленными делами.

– Паркер, – обратился Фрэнсис к камердинеру, служившему еще его отцу, – не замечали ли вы – не начал ли Р. Г. М. полнеть перед смертью?

– О нет, сэр, – был ответ. В тоне его слышалась почтительность отлично вышколенного слуги; правда, Паркер невольно окинул не слишком одобрительным взглядом дородную фигуру молодого хозяина. – Ваш отец, сэр, не утратил стройности до конца своих дней. Он и под старость был таков же, как в молодости: широкоплечий, с мощной грудью и широкой костью, но талия у него так и осталась тонкой, сэр. Нынешние молодые господа могли бы ему позавидовать. Очень уж он за собой следил – каждое утро ровно полчаса делал в постели гимнастические упражнения. Ничто не могло ему помешать. Он называл это своей религией.

– Да, у него была редкая фигура, – рассеянно ответил молодой человек и бросил взгляд на биржевой телеграф и на телефоны, поставленные тут еще его отцом.

– О да, – убежденно подтвердил Паркер, – он был строен, как настоящий аристократ. И вы унаследовали его фигуру, сэр, – только немного дороднее.

Молодой Фрэнсис Морган, унаследовавший от отца, кроме фигуры, еще и несколько миллионов долларов, лениво развалился в широком кожаном кресле и

вытянул перед собой ноги, словно посаженный в клетку могучий лев, расправляющий свои члены. Раскрыв утреннюю газету, он взглянул на заголовки. Там говорилось о новом обвале на Панамском канале.

– Хорошо, что мы, Морганы, вообще не склонны к полноте, – сказал он и зевнул, – а то я давно растолстел бы от подобной жизни... Как, по-вашему, Паркер?

Пожилой слуга вздрогнул. Он не ожидал вопроса и потому не сразу нашелся что ответить.

– Конечно, сэр, – наконец поспешно проговорил он, – то есть я хочу сказать, – нет, сэр, – вы сейчас вполне в форме, сэр.

– Не сочиняйте, Паркер, – сказал молодой человек. – Я, пожалуй, не то чтобы разжирел, а так... мускулы слегка начали дрябнуть... Правда, Паркер?

– Да, сэр... нет, сэр, – я хотел сказать – нет, сэр. Вы выглядите не хуже, чем три года назад, когда вернулись домой, окончив колледж.

– И всецело посвятил себя ничегонеделанию, – весело пошутил Фрэнсис. – Паркер!

Паркер был полон почтительного внимания. Хозяин его между тем погрузился в глубокие размышления, словно решал какую-то важную задачу. Рука его тихо поглаживала короткие щетинистые усики, которые с недавних пор украсили верхнюю губу.

– Паркер, поеду-ка я рыбу удить.

– Да, сэр.

– Я купил несколько складных удочек. Пожалуйста, составьте их и принесите мне сюда – хочу попробовать, хороши ли они. Мне пришло в голову, что необходимо уехать недели на две и пожить где-нибудь в глухом лесу. Если я этого не сделаю, то начну толстеть и опозорю славный род Морганов. Помните сэра Генри? Старого оригинала сэра Генри – этого лихого пирата?

– Да, сэр, я читал о нем, сэр.

Паркер уже стоял в дверях и дожидался минуты, когда его словоохотливый молодой хозяин наконец замолкнет и ему удастся улизнуть.

– Мне не слишком бы следовало гордиться этим старым пиратом!

– О что вы, сэр! – запротестовал Паркер. – Ведь он был губернатором Ямайки. И до самой смерти пользовался всеобщим уважением.

– Счастье, что его не повесили, – засмеялся Фрэнсис. – В сущности он один и является позором нашего рода, основателем которого считается. Впрочем, я не то хотел сказать. Дело в том, что я недавно начал тщательно изучать все относящиеся к нему документы и узнал, что он до смерти сохранил стройность фигуры: у него не было ни малейшего намека на брюшко. Да, он нам, Морганам, оставил хорошее наследство. Правда, мы так и не смогли отыскать его сокровищ, но зато отсутствие брюшка дороже всяких драгоценностей. Эта черта – характерный признак всей нашей породы... я вспоминаю лекции моего профессора биологии.

Наступило молчание. Паркер исчез. Фрэнсис погрузился в чтение газеты. Из нее он узнал, что открытие Панамского канала для пароходов должно состояться не раньше чем через три недели.

Зазвонил телефон. Судьба, пользуясь телефонными проводами, этими нервами современной утонченной цивилизации, выпустила свои щупальца – щупальца, которыми вскоре был опутан Фрэнсис Морган, спокойно сидевший у себя в библиотеке, в роскошном доме, выстроенном его отцом на Набережной.

Морган взял трубку и стал слушать.

– Да нет, дорогая миссис Каррутерз, – стал он уговаривать невидимую собеседницу, – это просто местная горячка. Акции Нефтяной Компании Тэмпио стоят твердо. Это не спекулятивные бумаги, а солидное помещение капитала. Держите их, держите крепко... Наверное, дело просто в том, что на бирже появился какой-нибудь разбогатевший фермер, который и старается прикупить эти акции. Ведь они пользуются солидной репутацией и на самом деле солидны... Что из того, что они поднялись на два пункта? Не продавайте ни в

коем случае! Акции Тэмпико – не лотерея и не рулетка. Это не дутая компания, а подлинное промышленное предприятие. Я даже жалею, что оно слишком крупное для меня одного – хотелось бы финансировать его единолично... Подождите, дайте договорить! Это вовсе не мыльный пузырь. У нас на миллион одних только цистерн. Наша железная дорога и три линии нефтепровода стоят пять миллионов. У нас работают сейчас нефтяные фонтаны, в которых добра миллионов на сто. Наша задача теперь – найти способ доставлять нефть к морю для погрузки на пароход. Сейчас самый подходящий момент для приобретения акций Тэмпико. В настоящее время они представляют собой самое разумное помещение капитала. А через год-два будут стоять настолько твердо, что перещеголяют любые государственные бумаги... Да, да, пожалуйста. Не обращайтесь на биржу. Но не забудьте, пожалуйста, что не я посоветовал вам приобрести эти акции. Я никогда не даю таких советов друзьям. Но раз они у вас имеются, держитесь за них. Компания Тэмпико не хуже вашего Английского банка... Да, мы с Дикки вчера ограбили партнеров... отлично провели вечер. Хотя Дикки – человек, слишком увлекающийся, – ему не следовало бы играть в бридж... Да, везло как утопленнику!.. Ха-ха!.. Я не увлекаюсь?.. Ха-ха!.. Что вы? Неужели!.. Передайте Гарри, что я уезжаю недели на две... Поеду ловить форель... Весна, понимаете, быстрая речка, деревья, налитые соком, распускающиеся почки, цветы и все такое прочее... Ну, пока до свидания, и держитесь Тэмпико. Если они немного упадут, когда фермер из Миннесоты прекратит их покупку, купите еще. Я тоже куплю. Прямой расчет!.. Да!.. Да, разумеется. Их нельзя продавать при первом же повышении курса, потом вы не выкупите. Разумеется, я знаю, что говорю! Я отлично выспался – спал восемь часов, – и не выпил еще ни капли виски... Да, да... До свидания!

И Фрэнсис, удобно расположившись в кресле, подтянул к себе ленту аппарата, соединенного с биржей, и стал ее лениво разглядывать. Полученные сведения о состоянии биржи, по-видимому, не вызвали у него особого интереса.

Вскоре вернулся Паркер, держа в руках несколько новеньких, ярко блестящих удочек. Каждая из них являла собой своего рода чудо техники и человеческого искусства. Фрэнсис тотчас же вскочил на ноги, забыв о биржевом телеграфе. Словно маленький мальчик, он с восторгом начал разглядывать свои игрушки. Испытывая удочки одну за другой, молодой человек взмахивал ими так, что они со свистом, словно хлыст, рассекали воздух, потом осторожно и медленно двигал рукой в разные стороны, будто забрасывал их в какой-то невидимый пруд, таивший в своих глубинах множество форели.

Снова зазвонил телефон. На лице Фрэнсиса мгновенно отразилось раздражение.

– Бога ради, Паркер, – приказал он, – подойдите к нему! Если звонит какая-нибудь дура, вздумавшая играть на бирже, скажите ей, что я умер, или напился до бесчувствия, или я заболел тифом, или собираюсь жениться, одним словом, скажите, что со мной стряслась какая-то беда.

После короткого диалога, выдержанного Паркером в скромном и сдержанном тоне, вполне подходившем к холодной и строгой обстановке библиотеки, почтенный слуга произнес в трубку: «Одну секунду, сэр!» – затем, закрыв трубку рукой, объявил:

– Это мистер Бэском, сэр. Он просит вас.

– Пошлите мистера Бэскома ко всем чертям! – ответил Фрэнсис и закинул удочку так далеко, что крючок чуть было не вылетел в окно и не зацепил садовника, занятого в саду пересадкой розового куста.

– Мистер Бэском просит передать, что ему необходимо переговорить с вами относительно положения на бирже, сэр. Он вас задержит всего на минутку, – настаивал Паркер, но настолько деликатно и незаметно, словно просто передавал какое-то маловажное сообщение.

– Ладно, так и быть! – И Фрэнсис, осторожно прислонив удочку к столу, подошел к телефону.

– Алло! – сказал он. – Да, это я, Морган. В чем дело? Ну!

Он слушал с минуту, затем раздраженно перебил говорившего:

– Продавать – на кой черт? Ни в коем случае... Конечно, я рад, что узнал об этом. Даже если бы они поднялись на десять пунктов, – чего, разумеется, быть не может, – держите все акции до единой. Может быть, это вполне законное повышение, и они больше не упадут. Акции солидные. Они стоят дороже своей котировки. Публика может этого не знать, но я-то знаю. Не пройдет и года, как они дойдут до двухсот... то есть, само собой разумеется, если в Мексике наступит успокоение. Если они начнут падать, я вам велю покупать... Глупость...

Кто хочет получить контрольный пакет? Это чисто случайное явление... Что? Ах, простите, я хотел сказать, чисто временное явление. Я собираюсь уехать недели на две – поудить рыбу. Если акции упадут на пять пунктов, покупайте.

Покупайте все, что будут предлагать. Ведь вы знаете, когда человек является владельцем солидного предприятия, повышатели для него так же опасны, как и понижатели... да... да... да... Разумеется... Да. До свидания.

Фрэнсис с удовольствием повесил трубку и вернулся к своим удочкам. А между тем судьба уже принялась за работу.

* * *

Перенесемся теперь на Уолл-стрит, в собственную контору Томаса Ригана. Риган только что отдал нескольким маклерам приказ скупить акции Нефтяной Компании Тэмпико, а сам через своих тайных агентов пустил слух, что с делами этой компании творится что-то неладное и концессия, выданная мексиканским правительством, висит на волоске. Покончив с этим делом, Томас Риган погрузился в изучение доклада, составленного командированным им в Мексику экспертом. Эксперт провел на месте целых два месяца и всесторонне разведал перспективы Компании Тэмпико на будущее.

В кабинет вошел клерк. Он подал Ригану визитную карточку и сообщил, что посетитель, несомненно, иностранец, требует его принять. Риган выслушал клерка, взглянул на карточку и сказал:

– Передайте этому мистеру сеньору Альваресу Торресу из Сиу-дадде-Колон, что я принять его не могу.

Минут через пять клерк вернулся с той же карточкой. На сей раз на ней было написано карандашом несколько строк:

«Дорогой и многоуважаемый мистер Риган!

Чсть имею сообщить, что мне известно местонахождение сокровищ сэра Генри Моргана, некогда зарытых им в землю во времена пиратов.

Альварес Торрес».

Прочитав написанное, Риган усмехнулся и покачал головой. Клерк собрался было выйти из кабинета, но хозяин остановил его:

- Пригласите сюда посетителя немедленно.

Оставшись один, Риган злобно усмехнулся. Ему вдруг пришла в голову новая мысль.

- Надо проучить щенка! - пробормотал он сквозь зубы и закурил сигару, окружив себя облаками дыма. - Воображает, что он может разыгрывать из себя льва, как старик Р. Г. М.! Всыпать ему надо хорошенько - вот что! Об этом уж позаботится матерый волк Томас Р.!

Сеньор Альварес Торрес изъяснялся на правильном английском языке, и его модный весенний костюм выглядел вполне респектабельным. Хотя смуглая кожа явно выдавала его латиноамериканское происхождение, а по блеску темных глаз можно было угадать, что в нем течет смесь испанской и индейской крови, манерами посетитель ничем не отличался от любого ньюйоркца. Томас Риган одобрительно взглянул на своего гостя.

- После многих усилий, после долгих лет поисков я, наконец, нашел ключ к разгадке тайны сэра Генри Моргана - узнал, где находится награбленное им золото, - так начал свою речь сеньор Торрес. - Клад Моргана зарыт на Мескитовом Берегу. Сейчас я вам сообщу только, что он зарыт не так уж далеко от лагуны Чирикви, а ближайший к этому месту город - Бокас-дель-Торо. Я там родился, хотя воспитывался в Париже, и знаю окрестности как свои пять пальцев. Требуется всего одна небольшая шхуна - расходы незначительны, сущие пустяки. А какая награда! Какая выгода, какое богатство нас ожидают!..

Сеньор Торрес остановился. Его красноречие, видимо, иссякло, и он не в силах был как следует обрисовать блестящие перспективы, которые ему представлялись. Но Томас Риган был прежде всего человеком дела; он тотчас же подверг посетителя допросу, как настоящий следователь.

– Мне сейчас, – сразу признался сеньор Торрес, – несколько недостает... как бы это выразиться?... средств на предварительные расходы.

– Вам нужны деньги? – грубо спросил биржевой делец, и испанец с огорчением наклонил голову в знак согласия.

Под перекрестным огнем энергичного допроса он признался еще во многом. Да, он в самом деле недавно покинул Бокас-дель-Торо и надеялся больше туда не возвращаться. Впрочем, готов вернуться, если достигнет соглашения с сеньором Риганом... Но Риган перебил его. Властным жестом человека, привыкшего считать всех людей своими подчиненными, он взял чековую книжку и выписал чек на тысячу долларов на имя Альвареса Торреса.

– А теперь – вот что мне от вас нужно, – сказал Риган. – Я лично несколько не верю вашему рассказу. Но у меня есть один юный друг, к которому я глубоко привязан. Меня огорчает, что мальчик ведет здесь, в Нью-Йорке, слишком рассеянный образ жизни: он кутит ночи напролет, увлекается женщинами и так далее... понимаете? – В ответ сеньор Альварес Торрес поклонился, как светский человек, вполне понимающий намек светского человека... – Так вот, ради его здоровья, а также ради спасения не только его души, но и состояния, я нахожу, что самый лучший для него выход – прокатиться за кладом пирата. Ему полезен будет моцион, всякие приключения и... ну, одним словом, я уверен, что вы меня понимаете.

Альварес Торрес снова поклонился.

– Вам нужны деньги, – продолжал Риган. – Постарайтесь заинтересовать этого юношу. Тысяча долларов вам за труды. Если удастся заинтриговать его настолько, чтобы он отправился искать золото старого Моргана, вы получите еще две тысячи. Сумеете так сильно его увлечь, что он не покажется сюда в течение трех месяцев, – еще две тысячи будут ваши. Задержите его там на шесть месяцев, – заработаете пять тысяч. Поверьте, я знал его отца. Мы с ним были товарищами, компаньонами, почти братьями. Я готов пожертвовать целым состоянием, чтобы вернуть его сына на путь истинный. Ну, что вы скажете? Эту тысячу я даю вам в виде аванса. Ну, так как же?

Сеньор Альварес Торрес дрожащими пальцами то откладывал в сторону, то снова разворачивал чек.

– Я... я согласен, – пробормотал он, заикаясь от радости, – я... я... как бы это сказать... я ваш слуга, приказывайте...

Минут через пять сеньор Торрес поднялся, собираясь уходить. Он успел получить подробные инструкции относительно роли, которую должен был разыгрывать. Его рассказ о сокровищах Моргана был тщательным образом прокомментирован умным и опытным дельцом, сумевшим придать всей истории более правдоподобный и убедительный вид. Выслушав Ригана, испанец вдруг заявил вроде бы шутливым тоном, в котором чувствовался оттенок грусти:

– А самое странное то, что я ведь поведал вам сущую правду, мистер Риган. Благодаря изменениям, которые вы посоветовали мне внести в мою историю, она звучит более правдоподобно, но и раньше в ней не было ни слова лжи. Деньги мне нужны, не отрицаю. Вы очень щедры, и я буду стараться изо всех сил... я... я – артист в душе и горжусь этим. Но все-таки это истинная правда, что у меня есть сведения о подлинном местонахождении награбленных Морганом богатств. Я имел возможность познакомиться с некоторыми документами, неизвестными широкой публике. Существуют фамильные записи, известные нашей семье. Многие из моих предков тоже читали их и потратили целую жизнь на поиски, так и оставшиеся безуспешными. А между тем они были на правильном пути – просто им не хватило догадки: они ошибались на каких-то двадцать миль. Место было точно указано в документах. Они не нашли его только потому, что запись была намеренно составлена в виде загадки, ребуса или шарады, которую я – только я сумел расшифровать. Мореплаватели старых времен, составляя свои карты, постоянно прибегали к подобным трюкам. Таким способом мои соотечественники испанцы скрыли местонахождение Гавайских островов: они умышленно неверно обозначили долготу – с погрешностью в пять градусов.

Для Томаса Ригана все это было китайской грамотой. Он выслушал посетителя со снисходительной улыбкой, которая ясно говорила, что делец не верит ни одному слову Торреса.

Не успел сеньор Торрес выйти из кабинета Ригана, как туда вошел Фрэнсис Морган.

– Я решил заглянуть к вам на минутку, попросить у вас совета, – сказал он после обычного обмена приветствиями. – К кому мне и обращаться, как не к вам? Ведь вы столько лет работали рядом с моим отцом. Насколько мне помнится, вы с ним вместе вели крупнейшие дела. Он всегда говорил мне, что я могу смело

полагаться на ваше деловое чутье. Вот я и пришел к вам. Дело в том, что я хочу уехать ловить рыбу. В чем там дело с акциями Тэмпико?

– С акциями Тэмпико? – повторил Риган, искусно притворяясь удивленным, хотя сам же и подстроил всю махинацию. – Нефтяной Компании Тэмпико?

Фрэнсис кивнул головой, опустил на стул и закурил папиросу. Риган тем временем посмотрел на ленту биржевого телеграфа.

– Акции Тэмпико поднялись на два пункта. На вашем месте я бы обеспокоился, – объявил он.

– Вот и я так думаю, – согласился Фрэнсис. – Не кажется ли вам, что кто-то подбирается к контрольному пакету? Ведь речь идет о солиднейшем предприятии... Ценность его колоссальна... Вы понимаете, это разговор между нами, исключительно между нами... – Риган кивнул в знак согласия. – Дело-то настоящее. И тут нет никаких фокусов. Так вот насчет этого повышения: не думаете ли вы, что какая-то банда охотится за контрольным пакетом акций?

Однако друг отца Фрэнсиса только тряхнул седой головой. Кто бы мог подумать, что под этими сединами скрывалось столько хитрости и коварства?

– Не думаю, – заявил он. – По всей вероятности, это просто временное колебание, а может быть, спекулирующая публика пронюхала что-нибудь о реальной солидности предприятия.

– Разумеется, это солидное дело, – горячо подхватил Фрэнсис. – Я получил отчеты, Риган, настолько благоприятные, что вы изумились бы, если бы их прочли... Я говорил всем моим друзьям, что это стоящее дело, без всякого обмана. Ужасно обидно, что мне пришлось выпустить акции на рынок. Но дело слишком крупное, и я поневоле вынужден был на это пойти. Даже всего капитала, оставленного мне отцом, – я имею в виду свободный капитал и, конечно, не говорю о деньгах, вложенных в другие предприятия, – даже всего моего свободного капитала не хватило бы, чтобы запустить это дело.

– А что, вам нужны деньги? – спросил старик.

– О нет, у меня есть кругленькая сумма, которой я могу оперировать, – весело ответил юноша.

– Вы хотите сказать?..

– Ну да. Разумеется. Если акции начнут падать, я буду скупать. Это верная прибыль.

– До каких же пределов вы решили скупать? – продолжал расспрашивать Риган, скрывая свой интерес под личиной добродушия и делая вид, что он вполне одобряет решение молодого человека.

– Пока хватит капитала, – не задумываясь ответил Фрэнсис Морган. – Ведь я же говорю вам, Риган, – это грандиозное дело.

– Я особенно этим делом не интересовался, Фрэнсис, но хотя и мало с ним знаком, должен сказать, что оно кажется мне перспективным.

– Кажется?! Послушайте, Риган, я еще раз повторяю, что здесь золотое дно; просто безобразия, что предприятие пришлось пустить на биржу. На этом деле никто не разорится. Я только окажу услугу миру, выбросив на рынок много сотен миллионов, – боюсь назвать точную цифру, – много сотен миллионов бочек нефти... Знаете, у меня есть фонтан в Хуастеке, который вот уже семь месяцев выбрасывает в день по двадцать семь тысяч бочек! До сих пор выбрасывает. И какая нефть! Удельный вес – двадцать два, а осадка не больше чем 0,2 процента. А другой фонтан – кстати, там придется проложить трубы на протяжении шестидесяти миль, – так вот, другой фонтан ежедневно выбрасывает около семидесяти тысяч бочек, и вся эта благодать пока что зря разливается по окрестности. Конечно, я вам это сообщаю под строжайшим секретом. У нас сейчас вполне хватает денег, и я вовсе не хочу, чтобы акции Тэмпико вдруг подскочили до небес.

– Ну, насчет этого не беспокойтесь, мой мальчик! Прокладывайте свои нефтепроводы, а затем ждите конца революции в Мексике, – только тогда акции Тэмпико будут стоять действительно высоко. А пока поезжайте себе удить рыбу и забудьте обо всем.

Риган умолк было, но внезапно схватил лежащую на столе карточку Альвареса Торреса, словно только что о ней вспомнил.

Комедия была разыграна великолепно.

– Посмотрите-ка, кто сейчас у меня был!

Риган, словно его осенила какая-то новая мысль, задержал карточку в руке.

– Зачем вам ехать ловить какую-то форель? Ведь это в конце концов пустое развлечение! Вот если бы вы отправились на поиски клада – это было бы хоть и развлечение, но развлечение, достойное мужчины. Это вам не лагерь в Адирондакских горах, где к вашим услугам и прислуга, и электричество, и искусственный лед. Ведь ваш отец всегда очень гордился своим предком пиратом. Он постоянно твердил, что у него есть сходство с ним, а вы, Фрэнсис, очень похожи на отца.

– Сэр Генри! – с улыбкой произнес Фрэнсис и протянул руку за карточкой. – Откровенно говоря, и я немало горжусь этим старым негодяем.

Прочитав карандашную надпись на карточке, Морган вопросительно посмотрел на Ригана.

– Этот проходимец рассказывает довольно правдоподобную историю, – начал тот. – Уверяет, что он уроженец Мескитового Берега и узнал о месте, где зарыт клад, из каких-то документов, хранящихся в его семье. Признаюсь, я лично ему не верю. Мне некогда верить всякой чепухе и интересоваться делами, которые не входят в сферу моей деятельности.

– А между тем ведь это факт, что сэр Генри умер сравнительно небогатым человеком, – убежденно возразил Фрэнсис. Он нахмурил брови, и лицо его на мгновение выразило беспредельное упорство – семейную черту Морганов. – А зарытые им сокровища так и не были найдены.

– Ну что ж, желаю вам успеха, – с добродушной усмешкой сказал Риган.

– И все-таки я не прочь был бы повидаться с этим Альваресом Торресом, – ответил юноша.

– Это какое-то мифическое золото, – продолжал Риган. – Впрочем, должен признать, что рассказ этого проходимца возмутительно правдоподобен. Эх, черт возьми, будь я сам помоложе... Но где уж мне. У меня и тут дел по горло.

– А не знаете ли вы, где я мог бы отыскать этого Торреса? – спросил Фрэнсис. Он еще не знал, что к нему уже тянутся роковые щупальца, которыми судьба в лице Томаса Ригана стремилась его схватить.

Свидание произошло на следующее утро в кабинете Ригана. При виде Фрэнсиса сеньор Альварес Торрес вздрогнул; впрочем, он тотчас же взял себя в руки. Однако Риган заметил его невольное движение и с улыбкой спросил:

– Не правда ли, как он похож на старого пирата?

– Да, сходство поразительное! – солгал, вернее, наполовину солгал Торрес.

Дело в том, что Альварес Торрес действительно увидел во Фрэнсисе сходство кое с кем, но испанец имел в виду не портрет сэра Генри Моргана. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним сразу вставал образ другого, живого, человека. Этот человек так же несомненно походил и на Фрэнсиса, и на сэра Генри, как оба они – друг на друга.

Когда Фрэнсису что-то приходило в голову, он обычно доводил дело до конца. Так случилось и теперь. Молодой человек тотчас же засел за современные карты и старинные планы, изучил давние документы, написанные выцветшими чернилами на пожелтевшей от времени бумаге. Вскоре он заявил, что решил поудить рыбку на острове Быка или на острове Тельца, – так назывались два острова у входа в лагуну Чирикви. Торрес уверял, что клад зарыт на одном из них.

– Я еще успею попасть на вечерний поезд до Нового Орлеана, – сказал Фрэнсис. – А там как раз смогу пересесть на один из пароходов Объединенного общества торговли фруктами и доберусь до Колона. Я еще вчера вечером составил себе маршрут.

– Только не нанимайте шхуны в Колоне, – посоветовал Торрес. – Поезжайте лучше верхом до Белена. Вот где лучше всего зафрахтовать судно; там все моряки – туземцы, дети природы; да и вообще местные жители – народ наивный и простодушный.

– Вы правы, – согласился Фрэнсис. – Мне давно хотелось побывать в тех краях. А вы успеете попасть на вечерний поезд, сеньор Торрес?.. Само собой разумеется, финансирую экспедицию я. Беру все расходы на себя.

Риган тотчас же незаметно бросил взгляд на Торреса, и тот соврал не моргнув глазом:

– К сожалению, мистер Морган, мне придется немного задержаться; я присоединюсь к вам позже. У меня здесь есть небольшое, но неотложное дело – процесс в суде, с которым необходимо сначала покончить. Речь идет, правда, о незначительной сумме, но дело касается всей нашей семьи и потому так для меня важно. У нас, Торресов, много фамильной гордости. В вашей практичной стране, согласен, это вещь неуместная, но для нас фамильная честь дороже всего.

– Он может потом догнать вас и направить на верный след, если понадобится, – стал уверять Фрэнсиса Риган. – Кстати, я посоветовал бы вам заранее договориться с сеньором Торресом насчет дележа добычи, если только вы что-нибудь найдете.

– Как же нам, по-вашему, делиться? – спросил Фрэнсис.

– Поровну. По пятьдесят процентов каждому, – ответил Риган. Он с легким сердцем давал советы о дележе несуществующего, по его глубокому убеждению, богатства.

– Итак, вы постараетесь как можно скорее меня догнать? – обратился к испанцу Фрэнсис. – Риган, займитесь-ка вы сами его судебной тяжбой и ускорьте ее, прошу вас!

– Конечно, мой милый! – последовал ответ. – А если понадобится, не авансировать ли мне сеньора Альвареса деньгами?

– Отличная мысль! – И Фрэнсис, протянув одну руку Ригану, а другую Торресу, стал прощаться с обоими. – Это избавит меня от лишних хлопот. А ведь мне нужно спешить, чтобы успеть уложить вещи, отказаться от всяких там свиданий и приглашений и вовремя попасть на поезд. Ну, Риган, будьте здоровы! Прощайте, сеньор Торрес, до скорого свидания... Где-нибудь в окрестностях Бокас-дель-Торо или над какой-нибудь ямой на острове Быка или Тельца... По-вашему, скорее на острове Тельца? Ну ладно, до встречи в тех краях!

Сеньор Альварес пробыл еще недолго у Ригана. Он получил подробные инструкции относительно роли, которую должен был разыгрывать. Ему следовало с самого начала всячески задерживать и тормозить экспедицию, постоянно придерживаясь такой тактики в дальнейшем.

– Одним словом, – сказал в заключение Риган, – я не буду особенно огорчен, если он вовсе не вернется. Пусть останется там подольше, хоть и навсегда – это будет полезно для его здоровья!

Глава II

Деньги, как и молодость, ни в чем не знают отказа. Поэтому Фрэнсис Морган, обладавший и деньгами, и молодостью, в одно прекрасное утро, недели через три после прощания с Риганом, очутился на борту зафрахтованной им шхуны «Анжелика». Шхуна только что попала в полосу штиля на близком расстоянии от берега.

Море было гладким как зеркало, и судно еле-еле покачивалось на волнах. Фрэнсис скучал. Избыток кипевшей в нем энергии неудержимо увлекал его навстречу неизведанному. Он попросил капитана, – это был метис, сын индианки и ямайского негра, – приказать подать ему шлюпку.

– Здесь, пожалуй, можно подстрелить какую-нибудь обезьяну, или попугая, или еще что-нибудь в этом роде, – объяснил Фрэнсис, разглядывая в свой сильный цейсовский бинокль видневшийся на расстоянии полумили берег, покрытый густыми зарослями.

– Весьма вероятно, сэр, что вы будете укушены лабарри – местной очень ядовитой змеей, – ответил капитан, он же владелец «Анжелики», причем физиономия его расплылась в широкой улыбке.

Но Фрэнсиса уже нельзя было удержать. Как раз в это мгновение он увидел в бинокль белую гасиенду[4 - Гасиенда – поместье, усадьба (исп.)] и фигуру женщины в белом платье. Женщина стояла на берегу моря и тоже разглядывала шхуну в бинокль.

– Спустите шлюпку, капитан! – приказал Фрэнсис. – Кто тут живет? Белые?

– Семейство Энрико Солано, сэр, – последовал ответ. – Ручаюсь вам, это важные господа из старинной испанской семьи. Они владеют всецело и безраздельно всей этой местностью от побережья до Кордильер; им же принадлежит половина лагуны Чирикви. Они очень бедны, богаты разве что землями, и к тому же горды и горячи, как кайенский перец.

Фрэнсис прыгнул в крохотную шлюпку и быстро стал грести к берегу. Однако зоркие глаза капитана подметили, что он забыл прихватить с собой винтовку или ружье для охоты на обезьян или попугаев. А затем негр заметил белую фигуру женщины, выделявшуюся на фоне темных зарослей.

Фрэнсис направился прямо к берегу, покрытому белым коралловым песком. Он боялся оглянуться через плечо, чтобы посмотреть, осталась ли на месте женщина в белом. В голове у него была вполне естественная для молодого человека мысль об идиллической встрече с «прекрасной пастушкой» или с белой полудикаркой; в лучшем случае он мог надеяться на знакомство с провинциальной барышней. Отчего же не поболтать и не посмеяться, не провести весело время в женском обществе, пока «Анжелика» стоит, захваченная штилем.

Как только шлюпка ударилась о берег, Фрэнсис выскочил из нее и одним сильным движением втащил ее на песок, чтобы волны не унесли лодку в море. Затем он обернулся. Весь пляж до самого леса был пустынным. Фрэнсис уверенно двинулся вперед. Любой путешественник, прибывший в незнакомые ему места, имеет право обращаться к местным жителям и спрашивать у них дорогу. Именно так намеревался поступить Фрэнсис.

Молодой человек собирался всего лишь немного развлечься, но на берегу оказалось более чем достаточно развлечений. Неожиданно из-за зеленой завесы джунглей выскочила, словно марионетка на пружинах, женщина, которую он видел со шхуны; она обеими руками вцепилась ему в руку. Морган успел разглядеть, что это была взрослая девушка. Сила, с которой она схватила его за руку, удивила Фрэнсиса. Свободной рукой он снял шляпу и отвесил незнакомке поклон, стараясь сохранять полную невозмутимость, как и подобало известному богачу Моргану, получившему первоклассное воспитание в Нью-Йорке и приученному никогда ничему не удивляться. Но ему сразу же пришлось снова удивиться, и притом не один раз. Молодого человека как громом поразила своеобразная красота незнакомки. Ее пронзительный суровый взгляд окончательно его ошеломил. Ему вдруг показалось, что он знал ее раньше. Чужой человек не стал бы так на него смотреть.

Фрэнсис почувствовал, что незнакомка дернула его за руку.

– Скорее! Следуйте за мной! – сердитым шепотом приказала она.

Он попытался сопротивляться, но вынужден был подчиниться. Девушка стала трясти его и потащила куда-то за собой. Фрэнсис подумал, что она, видимо, играет с ним в какую-то неизвестную ему местную игру. Он улыбнулся и решил повиноваться. Впрочем, он и сам не мог бы сказать, добровольно ли уступает ее желанию или она силой тащит его в направлении леса.

– Делайте то же, что я! – крикнула она ему, оглянувшись назад. Девушка уже шла впереди, не отпуская его руки.

Фрэнсис снова улыбнулся и пошел за ней. Пригибался к земле, когда пригибалась она, лавировал, подобно ей, между деревьями. На ум ему пришла история пионера-первопроходца Джона Смита и индианки Покахонтас.

Наконец молодая девушка остановилась и села на землю. Не выпуская его руки из своей, она указала ему на место рядом с собой. Когда он уселся, она приложила руку к сердцу и, задышавшись, произнесла:

– Слава Богу и Пресвятой мадонне!

Фрэнсис уже настолько привык подчиняться своей спутнице, что и тут, улыбнувшись, повторил ее жест. Он решил, что таковы, очевидно, правила загадочной игры. Впрочем, молодой человек не стал упоминать ни Бога, ни мадонну.

– Неужели вы никогда не перестанете шутить? – накинулась на него девушка, заметив его жест.

Фрэнсис сразу же перешел на серьезный искренний тон.

– Сударыня... – начал он. Но собеседница резким движением заставила его замолчать. Со все возрастающим удивлением Фрэнсис заметил, что она, наклонив голову, к чему-то прислушивается. В самом деле, всего в нескольких шагах от них послышался топот бегущих по тропинке людей.

Мягкая теплая ладонь незнакомки легла на руку Фрэнсиса, словно приказывая ему молчать. Вдруг девушка вскочила с места со свойственной ей стремительностью, к которой он уже начал привыкать, и направилась к тропинке. Морган чуть не присвистнул от удивления. В это мгновение до него донесся голос его спутницы. Она резким тоном о чем-то спрашивала по-испански, ей отвечали, тоже по-испански, несколько мужских голосов, в звуке которых слышались и покорность, и настойчивость, и возмущение.

Все еще продолжая разговор, вся компания двинулась куда-то вперед. Прошло минут пять. Наступило молчание. Вдруг Фрэнсис снова услышал голос девушки. Она повелительным тоном приказывала ему выйти к ней.

«Ха-ха! Хотел бы я знать, как поступил бы в подобных обстоятельствах Риган», – подумал Фрэнсис и с улыбкой повиновался незнакомке.

Он снова шел за ней, но теперь она уже не вела его за руку. Вдвоем они прошли к опушке леса и вышли на пляж. Когда девушка остановилась, Фрэнсис подошел к ней и заглянул ей в лицо. Он все еще был уверен, что они играют в какую-то игру, что-то вроде «пятнашек».

– Пятна! – засмеялся он и дотронулся до ее плеча. – Пятна! Я запятнал вас.

Ее темные глаза вспыхнули гневом.

– Глупец вы этакий! – воскликнула она и дотронулась мизинцем до его подстриженных усов. Фрэнсис был удивлен такой фамильярностью. – Неужели вы воображаете, что эта штука так сильно изменила вашу внешность?

– Но позвольте, дорогая леди... – запротестовал Фрэнсис, желая убедить свою спутницу, что он вовсе с ней не знаком.

Ее ответ, заставивший его внезапно умолкнуть, оказался таким же оригинальным и непредсказуемым, как и все поведение незнакомки. Настолько стремительными были ее движения, что Фрэнсис даже не заметил, откуда она вытащила крохотный серебряный револьвер. Дуло его было теперь направлено на него; хуже того, незнакомка крепко прижала игрушечный револьвер к животу Фрэнсиса.

– Дорогая леди... – снова начал он.

– Я не желаю с вами разговаривать, – вновь прервала она его. – Возвращайтесь на свое судно и уезжайте... – Она сделала короткую паузу. Фрэнсис скорее угадал, чем расслышал сдавленное рыдание... – Уезжайте навеки!

Фрэнсис опять было открыл рот, но и на этот раз его речь была прервана: молодая девушка снова прижала дуло револьвера к его животу.

– Если вы когда-нибудь вздумаете вернуться, то я, да простит меня мадонна, я застрелюсь!

– В таком случае мне, очевидно, лучше убраться отсюда, – нарочито спокойно проговорил молодой человек и направился к лодке. Он старался удалиться с достоинством, но это ему плохо удавалось: он чувствовал себя сконфуженным и готов был посмеяться над собой и над тем нелепым смешным положением, в которое попал.

Фрэнсис был настолько поглощен желанием сохранить хотя бы видимость достоинства, что не заметил, как незнакомка последовала за ним. Пытаясь сдвинуть лодку с места, он почувствовал, что легкий ветерок зашевелил листья

пальмы. По морю уже пошла рябь, а там вдали, за зеркальной гладью моря, виднелся вход в лагуну Чирикви, кольцо которой, словно мираж, поднималось над потемневшей поверхностью воды.

Фрэнсис занес уже ногу, чтобы сесть в шлюпку, когда громкое рыдание заставило его обернуться. Рядом с ним стояла его незнакомка. Револьвер повис у нее в руке; она плакала. Морган в одно мгновение очутился рядом с ней... Он протянул руку и коснулся руки девушки. В этом жесте были и вопрос, и сочувствие. Но она вздрогнула от его прикосновения. Глаза ее, полные слез, глядели на него с укором. Фрэнсис пожал плечами: он окончательно перестал понимать столь быструю смену настроений. Утратив всякую надежду разгадать эту загадку, он повернулся и хотел было сесть в лодку, но незнакомка снова остановила его.

– Вы могли бы... – начала она, но голос ее прервался, она глотала слезы, – вы могли бы... хоть поцеловать меня на прощание!..

И молодая девушка импульсивным движением протянула ему обе руки. При этом в правой руке она продолжала держать револьвер. Фрэнсис в недоумении на миг остановился, а затем обнял девушку. К его полному изумлению, незнакомка, подарив ему страстный поцелуй, склонила голову на его плечо и разрыдалась. Фрэнсис, несмотря на все свое изумление, ясно ощущал прикосновение револьвера, который незнакомка держала в руке; теперь он повис у него между лопатками. Повернув к молодому человеку мокрое от слез лицо, девушка несколько раз крепко его поцеловала. Фрэнсис отвечал ей такими же страстными поцелуями, в душе называя себя подлецом. Он не мог понять, какая таинственная сила влекла его к этой женщине, и был бы рад, если бы их прощание длилось хоть целый век.

Неожиданно девушка вырвалась из его объятий, и Фрэнсис увидел на ее лице прежнее выражение гнева и презрения. Угрожающим жестом она протянула руку вперед и револьвером указала ему на лодку.

Фрэнсис пожал плечами, словно говоря, что он ни в чем не может отказать столь прелестной особе. Он послушно уселся в лодку лицом к берегу и заработал веслами.

– Спаси меня, мадонна, от порывов моего своенравного сердца! – воскликнула девушка. Свободной рукой она сорвала с себя медальон и бросила его в воду. Звенья цепочки золотым дождем рассыпались у ее ног.

На опушке леса появилось трое вооруженных винтовками мужчин. Они подбежали к девушке, опустившейся в изнеможении на землю, и кинулись ее поднимать. В этот момент они заметили Фрэнсиса, быстро удалявшегося от берега. Оглянувшись, молодой американец увидел невдалеке «Анжелику». Шхуна шла с зарифленными парусами ему навстречу.

Тут один из трех – пожилой бородатый мужчина выхватил у девушки бинокль и направил его на лодку. В следующее мгновение он отбросил бинокль и прицелился из винтовки в Фрэнсиса.

Пуля упала в воду на расстоянии всего ярда от борта лодки. Девушка вскочила на ноги и ударила снизу по винтовке старика – вторая пуля ушла в небо. Фрэнсис стал грести еще яростнее. Между тем его новые враги, отойдя на несколько шагов от девушки, прицелились в него, но незнакомка направила на них свой револьвер и заставила их опустить ружья.

«Анжелика» шла под ветром наперерез шлюпке. Когда судно вплотную приблизилось к ней, Фрэнсис ловким движением запрыгнул на палубу, между тем как капитан, стоя у руля, разворачивал шхуну. Паруса надулись ветром, и «Анжелика» стала быстро удаляться от берега. Фрэнсис не мог удержаться от чисто мальчишеской выходки: он послал своей незнакомке воздушный поцелуй. А она метнулась вперед, но тотчас же в изнеможении упала на руки пожилого мужчины.

– Ну разве они не настоящий кайенский перец – эти проклятые, противные, гордые до безумия Солано? – обратился капитан к Фрэнсису и засмеялся, сверкнув белыми зубами.

– Бешеные какие-то... У них, видно, в голове винтика не хватает, – рассмеялся в ответ Фрэнсис и, быстро подойдя к борту шхуны, стал посылать незнакомке воздушные поцелуи.

Благодаря попутному ветру, дувшему с материка, «Анжелика» к полуночи добралась до рифов наружного кольца лагуны Чирикви. Пройдя еще миль

пятьдесят вдоль этих рифов, судно очутилось в виду островов Быка и Тельца. Здесь капитан решил остановиться и ждать рассвета. Утром, после завтрака, Фрэнсис сел в шлюпку вместе с одним из матросов, английским негром, и отправился на разведку на остров Быка, который был больше острова Тельца. По словам капитана, в это время года сюда обычно съезжались индейцы с материка для сбора черепаших яиц.

Не успел Фрэнсис подплыть к острову, как уже ясно почувствовал, что его отделяют от Нью-Йорка не только тридцать градусов широты, – ему показалось, что он вернулся на триста или даже на три тысячи лет назад, совершив скачок из современной цивилизации в первобытную эпоху. Собиратели черепаших яиц оказались настоящими дикарями. Единственную их одежду составляли короткие штаны из грубого холста, а вместо оружия у них были мачете – тяжелые, необычайно острые, смертоносные топорики. Дикари сразу же доказали, что они ловко умеют клянчить, но по их виду можно было предположить, что они не остановятся и перед убийством. Через переводчика, которым был матрос негр, они заявили Фрэнсису, что остров Быка принадлежит им; что касается острова Тельца, то они раньше тоже завладевали им каждый год на то время, когда черепахи кладут яйца, но в этом году островок был захвачен каким-то незнакомым сумасшедшим гринго[5 - Гринго – так называют в Латинской Америке североамериканцев.]. Из их рассказа было ясно, что это отчаянный сорвиголова. Его бесстрашие и манера повелевать, по-видимому, произвели такое впечатление на индейцев, что они стали относиться к нему с уважением и трепетом: очевидно, дикари не привыкли видеть двуногих существ, еще более свирепых, чем они сами.

Фрэнсис сунул одному из индейцев серебряный доллар и отправил его с поручением к таинственному гринго: он просил передать незнакомцу, что желал бы с ним повидаться. Остальные дикари в это время собрались вокруг лодки, выпрашивая подачки и бесцеремонно разглядывая белого чужестранца; один из них нагло украл у Фрэнсиса трубку, которую тот только что вынул изо рта и положил рядом с собой на корму лодки. Молодой американец не раздумывая ударил его по уху, а затем наградил оплеухой и второго вора, схватившего трубку, когда ее уронил первый, и таким образом вернул себе свою собственность. В мгновение ока вся толпа как один человек схватилась за мачете. Фрэнсис увидел множество угрожающе поднятых вверх, блестящих на солнце топориков. Однако он не растерялся и в тот же миг направил на индейцев свой револьвер.

Испуганные дикари отошли в сторону и начали совещаться зловещим шепотом. А Фрэнсис между тем обнаружил, что его чернокожий переводчик струсил и покинул его. Подойдя к индейцам, матрос заговорил с ними весьма дружелюбным, даже заискивающим тоном, который совсем не понравился Фрэнсису.

В это время вернулся его посланец. Он принес молодому Моргану его же записку, на обратной стороне которой было написано карандашом: «Ко всем чертям!»

– Придется, видно, самому к нему отправиться, – сказал Фрэнсис матросу негру, приказывая тому вернуться в лодку.

– Я посоветовал бы вам быть в высшей степени осторожным и осмотрительным, сэр, – предупредил негр, – ведь эти индейцы не люди, а звери неразумные, и весьма вероятно, что они будут действовать, как существа без разума, сэр.

– Садитесь в лодку и везите меня на остров Тельца, – кратко приказал Фрэнсис.

– Нет, сэр, я, к сожалению, вынужден отказаться, сэр, – ответил чернокожий матрос. – Я нанялся на судно к капитану Трефазену, но не нанимался на то, чтобы идти на верную смерть. А ехать туда, сэр, равносильно самоубийству. Самое лучшее для нас, сэр, это немедленно выбраться отсюда, ибо здесь, безусловно и вне всякого сомнения, скоро станет слишком жарко для нас.

Фрэнсис, всем своим видом выражая возмущение и презрение, положил в карман револьвер, повернулся спиной к дикарям и направился мимо пальм к противоположному берегу острова, где высилась огромная коралловая скала, образовавшаяся тут, по всей вероятности, после какого-нибудь землетрясения. Оттуда за узким проливом ясно виднелся остров Тельца. На берегу лежала большая лодка. Там же, где стоял Фрэнсис, валялся выдолбленный из дерева челнок, довольно ненадежный на вид, без сомнения, сильно протекавший. Молодой Морган принялся вычерпывать из него воду. Вдруг он заметил, что индейцы отправились ему вслед. Теперь они подсматривали за ним, притаившись на опушке рощи кокосовых пальм. Трусливого матроса негра нигде не было видно.

Перебраться через узкий пролив было для Фрэнсиса делом нескольких минут. Однако не успел он ступить на берег острова Тельца, как увидел, что его и здесь ожидает не слишком радушный прием. Высокий босой молодой человек вышел из-за ствола пальмы, направил на гостя револьвер и закричал:

– Ко всем чертям! Убирайтесь вон! Проваливайте!

– О боги! – Фрэнсис усмехнулся полушутливо-полусерьезно. – Ну и местечко! Шагу нельзя здесь ступить, чтобы тебе не сунули под нос револьвер. И еще просят при этом проваливать.

– Никто вас сюда не приглашал, – возразил незнакомец. – Вы здесь непрошенный гость. Убирайтесь вон с моего острова! Даю вам полминуты на размышления.

– Знаете что, приятель, мне все это начинает надоедать, – возмущенно заявил Фрэнсис, искоса поглядывая на ближайшую пальму и соображая, какое расстояние отделяет его от ствола дерева. – Все, кого я здесь вижу, какие-то сумасшедшие и в высшей степени неприветливые люди. Все с каким-то непонятым раздражением просят меня освободить их от моего присутствия. Кончилось тем, что общее настроение заразило и меня. Теперь и мне, в свою очередь, хочется отделаться от других. К тому же, хотя вы и утверждаете, что остров ваш, это еще не доказывает вашей правоты.

Однако молодому американцу так и не удалось закончить фразу. Ему пришлось стремительно отпрыгнуть в сторону под прикрытие пальмы. Едва успел он спрятаться за ее стволом, как в дерево со свистом вонзилась пуля.

– Вот тебе в отместку! – крикнул Фрэнсис и в свою очередь всадил пулю в ствол пальмы, за которой скрывался его враг.

Несколько минут продолжалась перестрелка. Противники то палили из своих револьверов, то выжидали момент для более удачного выстрела. Фрэнсис, выпустив свою восьмую, последнюю пулю, вспомнил не без огорчения, что его противник сделал всего семь выстрелов. Сняв свой пробковый шлем, он осторожно выставил его из-за ствола. Шлем был тотчас же пробит пулей.

– Какой системы у вас револьвер? – холодным вежливым тоном спросил Фрэнсис у незнакомца.

– Кольт, – был ответ.

Фрэнсис смело вышел из-за прикрытия.

– Значит, вы истратили все свои пули! – сказал он. – Я вел счет. Восемь выстрелов. Теперь мы можем с вами поговорить.

Незнакомец тоже показался из-за своей пальмы. Фрэнсис невольно залюбовался его рослой фигурой, которую не мог испортить даже костюм, состоящий из пары грязных холщовых брюк, ситцевой рубашки и широкополого сомбреро[6 - Сомбреро – широкополая шляпа, которую носят в Латинской Америке.]. У Моргана мелькнула мысль, что он уже где-то видел этого человека, но не сообразил, что незнакомец является его собственным двойником.

– Поговорить! – ответил неизвестный, бросив револьвер на землю и выхватив нож. – Я сейчас отрежу вам уши, а может быть, и сниму скальп.

– Ого! Какие, однако, добродушные и кроткие существа водятся в здешних лесах! – ответил Фрэнсис. Его гнев и возмущение росли с каждой минутой. Он тоже обнажил свой охотничий нож, блестящий, новехонький, только что купленный. – Знаете что, давайте-ка лучше бороться без поножовщины.

– Мне нужны ваши уши! – любезным тоном заявил незнакомец и стал медленно продвигаться вперед.

– Ладно! Кто первый окажется на земле, тот и проиграет. Другой будет иметь право отрезать ему уши.

– Идет! – Молодой человек в холщовых брюках спрятал свой нож в ножны.

– Эх! Досадно, что нет киноаппарата, чтобы запечатлеть эту сцену! – заявил Фрэнсис и тоже спрятал нож. – Я зол как разъяренный бык. И буду драться как дикий индеец. Берегитесь! Сейчас наскочу. Все приемы дозволены. Что угодно, как угодно – только бы повалить противника!

И Фрэнсис, исполняя свою угрозу, тотчас же храбро ринулся на незнакомца. Но его блестящая атака закончилась позорным поражением. Противник был,

очевидно, сильнее и приготовился встретить его бешеный наскок. Как только борцы сцепились друг с другом, неизвестный поддался назад, повалился на спину и ударил Фрэнсиса ногой в живот так, что бедняга перевернулся в воздухе.

После падения Фрэнсис долго не мог перевести дух, тем более что противник, навалившись на него всем телом, не давал ему вздохнуть. Он молча лежал на спине, задыхаясь. Внезапно молодой человек заметил, что лежавший на нем незнакомец с удивлением разглядывает его лицо.

– Зачем это вы носите усы? – пробормотал он.

– А вам, видно, и усы мои помешали, – произнес Фрэнсис, с трудом переводя дыхание. – Нет, уж извините! Уши – ваши, так и быть. Ну а усы – мои. Насчет усов уговора не было. А кроме того, ваш прием – чистейший джиу-джитсу.

– Вы сами говорили: «Что угодно и как угодно, лишь бы повалить противника», – улыбаясь возразил незнакомец. – Что касается ваших ушей, то пусть они при вас и останутся. Теперь чем больше я на них смотрю, тем больше вижу, что они мне вовсе не нужны. Вставайте и убирайтесь вон отсюда. Я вас поколотил. Ко всем чертям! И больше не лезьте сюда! Ну, гоп! Проваливайте!

Фрэнсис был возмущен до глубины души. Вдобавок к его возмущению примешивалось теперь еще чувство стыда, вызванное тем, что он потерпел поражение. Молодой американец повернулся и направился к своему челноку.

– Послушайте, молодой человек, не оставите ли вы мне вашу визитную карточку? – крикнул ему вслед победитель.

– Визитные карточки как-то не вяжутся с покушением на жизнь гостей! – ответил, не оглядываясь, Фрэнсис. Он прыгнул в челнок и опустил в воду единственное весло. – Моя фамилия Морган.

Лицо незнакомца отразило сначала удивление, затем бесконечное изумление. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но затем передумал и только пробормотал себе под нос:

– Одна порода – неудивительно, что мы так похожи друг на друга!

Фрэнсис, все еще кипевший от возмущения, вернулся на остров Быка. Там он присел на край землянки, набил трубку и закурил, предаваясь мрачным размышлениям:

«Нет сомнения, что все люди здесь какие-то сумасшедшие. Ни капельки разума нет во всех их поступках. Хотел бы я видеть, как стал бы старик Риган обделывать свои дела с таким народом. Уж ему-то наверняка пришлось бы поплатиться ушами!»

Если бы Фрэнсис мог в эту минуту увидеть молодого человека в холщовых брюках, у которого было такое знакомое ему лицо, он окончательно убедился бы в том, что все жители Центральной Америки отличаются ненормальностью поведения, ибо упомянутый молодой человек как раз в это время входил в крытую травой хижину, стоявшую посреди острова Тельца. Переступив порог, незнакомец усмехнулся и вслух произнес: «Кажется, мне удалось внушить страх Господень этому потомку Морганов!» Затем он подошел к стене и начал пристально разглядывать висевшую на стене фотографию – снимок с портрета сэра Генри Моргана.

– Ну что, старый пират? – сказал он с усмешкой. – Кажется, два твоих потомка сегодня чуть было не всадили друг в друга по несколько пуль, да еще из автоматического револьвера, а это, старик, не то что твой допотопный пистолет!

С этими словами незнакомец подошел к старинному, сильно побитому и изъеденному червями сундучку. Приподняв крышку, на которой была вырезана буква «М», он снова обратился к портрету:

– Эх ты, старый пират-валлиец! Ничего-то мне от тебя не досталось в наследство, если не считать старого тряпья да еще наружности! Да, сходство поразительное!.. А что, не переодеться ли мне в костюм старика? Эх, старина, подожди – сейчас увидишь, что и из меня вышел бы неплохой пират! Пожалуй, и это дельце при Порт-о-Прэнсе я обстригал бы не хуже тебя самого.

Продолжая говорить, молодой потомок сэра Генри стал натягивать на себя истрепанную, изъеденную молью одежду, найденную им в сундуке.

– Ну вот я и разоделся в твое старое тряпье! Сойдите-ка с полотна, многоуважаемый предок, и скажите: есть ли сейчас хоть капля разницы между нами?

Теперь, когда молодой человек надел старинный костюм сэра Генри вместе с поясом, на котором висели кинжал и два тяжеловесных кремневых пистолета, сходство между живым потомком и портретом давно умершего и успевшего обратиться в прах предка было еще более поразительным.

Ветра свист и глубь морская!

Жизнь недорога. Эгей!

Там, спина к спине, у грота

Отражаем мы врага!

Молодой человек запел, аккомпанируя себе на гитаре. Чем дольше он пел, тем больше ему казалось, что портрет предка теряет свои очертания. Вместо него молодой человек увидел другую картину.

Прислонившись спиной к грот-мачте, с длинным кривым кинжалом в руке стоял сам старый пират. Перед ним полукругом толпились матросы-головорезы в фантастических одеяниях. А с другой стороны, прислонившись спиной к мачте, стоял другой человек, одетый в одинаковый с сэром Генри костюм; он тоже удерживал тесный полукруг взбунтовавшихся матросов. Таким образом, весь экипаж окружил кольцом грот-мачту и стоявших спиной к спине пиратов.

Яркие образы, порожденные воображением молодого человека, вдруг исчезли; его видения прервал звук лопнувшей струны, которую он, увлекшись, слишком сильно дернул. Наступило молчание. Молодому человеку показалось, что в этой тишине портрет сэра Генри вышел из своей рамы и приблизился к нему. Как живой стоял перед ним старый пират; он дергал его за рукав, словно приказывая куда-то идти; а губы, казалось, шептали замогильным голосом:

Там, спина к спине, у грота

Отражаем мы врага!

Молодой человек, повинувшись то ли приказанию призрака, то ли какому-то интуитивному внутреннему побуждению, вышел из хижины и направился к морю. Очутившись на берегу, потомок Моргана кинул взгляд на другой берег узкого пролива. Там, на острове Быка, он увидел своего недавнего противника. Фрэнсис Морган стоял, прислонившись спиной к высокой коралловой скале, и отбивался от толпы полуголых индейцев, яростно размахивавших мачете. Единственным оружием ему служило огромное полено, очевидно, выброшенное волнами на берег, которым он яростно размахивал в воздухе.

Еще немного, и Фрэнсис несомненно бы погиб. Кто-то из дикарей хватил его камнем по голове так, что у него от удара потемнело в глазах. Как раз в этот миг ему почудилось странное видение, которое окончательно убедило его в том, что он уже умер и перешел в царство теней: сам старый пират сэр Генри летел ему на помощь, размахивая своим кинжалом. Еще невероятнее было то, что призрак крушил индейцев направо и налево, распевая громким голосом:

Ветра свист и глубь морская!

Жизнь недорога. Эгей!

Там, спина к спине, у грота

Отражаем мы врага!

У Фрэнсиса подкосились колени и он тихо опустился на землю; но перед тем как потерять сознание, успел увидеть, как индейцы под натиском фантастического существа рассеялись и обратились в бегство. Их крики: «Боже милосердный! Спаси нас, мадонна! Это дух старого Моргана!» – еще звучали в ушах Фрэнсиса, когда сознание окончательно его покинуло...

Открыв глаза, молодой миллионер увидел, что лежит в небольшой, крытой травой хижине – той самой хижине, скрытой в глубине острова Тельца. Не успел он еще вполне прийти в себя, как узнал лицо сэра Генри, глядевшее на него с портрета на стене. А рядом очутилась копия портрета, впрочем, несколько помолодевшего, – копия, бесспорно, обладавшая всеми свойствами материальных тел, ибо этот двойник портрета поднес к губам Фрэнсиса кружку с виски и велел ему сделать глоток. Но Фрэнсис не стал пить и вскочил на ноги. Некоторое время он и незнакомец пристально смотрели друг на друга, затем, словно что-то одновременно их подтолкнуло, оба перевели взгляд на портрет,

чокнулись кружками в знак уважения к памяти старого пирата и лишь после этого выпили залпом виски.

– Вы мне сказали, что происходите из рода Морганов, – заговорил незнакомец. – Я тоже Морган. Вот этот пират был моим родоначальником. А вы?

– Я тоже его потомок, – ответил Фрэнсис. – Мое имя Фрэнсис. А вас как зовут?

– Генри – в честь оригинала портрета. Мы с вами, очевидно, дальние родственники. Я сейчас занят поиском сокровищ старого рыжего скряги.

– Я тоже к ним подбираюсь, – сказал Фрэнсис, протягивая руку. – Но только без дележа. К черту всякие дележи!

– В вас говорит кровь Морганов, – проговорил Генри и одобрительно улыбнулся. – Пусть весь клад достанется тому, кто его первый найдет. Вот уже шесть месяцев как я тут работаю. За это время успел изрыть весь остров вдоль и поперек, но нашел только этот сундук со старым тряпьем. Богатства сэра Генри я постараюсь у вас отнять; но если понадобится, вы только затяните песнь старого пирата, и я в любой момент приду вам на помощь, сколько бы ни было вокруг врагов.

– Замечательная песня! – сказал Фрэнсис. – Я должен выучить ее наизусть. Ну-ка, начинайте!

И молодые люди снова подняли кружки и, чокнувшись, запели:

Там, спина к спине, у грота

Отражаем мы врага!

Глава III

Сильная головная боль вскоре заставила Фрэнсиса умолкнуть. Он обрадовался, когда Генри, уложив его в свой гамак, сам отправился на «Анжелику», чтобы

передать капитану приказания молодого американца. Фрэнсис велел Треффэзену стать на якорь, но не отпускать матросов на берег. Лежа в гамаке, Фрэнсис погрузился в глубокий сон. Только на следующий день, поздно утром, он проснулся и объявил, что голова у него снова свежа, как обычно.

– Я знаю это ощущение, – сам однажды свалился с лошади, – с сочувствием отозвался его новоявленный родственник и налил ему огромную чашку ароматного черного кофе. – Выпейте-ка это, – сразу другим человеком себя почувствуете. Завтрак могу предложить вам неважный – солонина, морские сухари и яичница из черепаших яиц. Яйца свежие – за них я ручаюсь: я вырыл их сегодня из песка, пока вы спали.

– Эта чашка кофе одна стоит целого завтрака, – заявил Фрэнсис. Он все время смотрел на своего нового родственника, мысленно сравнивая его с портретом их общего предка.

– Вы – вылитый сэра Генри, и не только внешне, – со смехом сказал Генри, уловив один из его взглядов. – Когда вы вчера заявили, что ни за что не станете со мной делиться, я готов был поверить, что предо мной стоит сам воскресший сэра Генри. Он всегда испытывал глубокое отвращение ко всякого рода дележке. Даже тогда, когда дело касалось его собственного экипажа, и в этом была главная причина постигших его бед. Во всяком случае, он ничем не поделился со своими потомками. Ну а у меня иной характер. Я не только уступлю вам часть острова Тельца, но даже отдам свою хижину вместе со всей ее подвижностью и со всеми прилегающими к ней угольями и урочищами в ваше вечное, наследственное и потомственное владение, – и даже со всеми черепашими яйцами, которые после меня останутся. Можете вступать во владение в любой момент.

– Что вы хотите сказать? – спросил Фрэнсис.

– То, что говорю. Здесь нет абсолютно ничего. Я перерыл весь остров, а нашел только этот сундук с тряпьем.

– Эта находка, наверное, чрезвычайно воодушевила вас?

– Еще бы! Я совсем было решил, что добрался до клада. Во всяком случае, это доказывает, что я напал на верный след.

– А почему бы нам не попытаться счастья на острове Быка? – спросил Фрэнсис.

– Я сам об этом подумываю, – ответил Генри. – Впрочем, у меня есть кое-какие сведения, на основании которых я думаю предпринять поиски на материке. Ведь в старину мореплаватели часто неправильно помечали на картах широту и долготу.

– Десятый градус северной широты и девяностый восточной долготы, – произнес Фрэнсис. – Это может означать двенадцатый и девяносто второй или же восьмой и восемьдесят восьмой. Составитель карты держал записи в уме и никому не доверял своей тайны. Если он неожиданно умирал, а такова была, видимо, судьба всех бесстрашных мореплавателей, – тайна так и умирала вместе с ним.

– Иногда у меня появляется желание перебраться на остров Быка и выгнать оттуда всех этих собирателей яиц, – заговорил Генри. – А потом мне начинает казаться, что лучше сначала попытаться счастья на материке. Вы тоже, наверное, собрали целую кучу всяческих указаний относительно места, где зарыт клад?

– Разумеется, – Фрэнсис кивнул головой. – Но послушай-ка, Генри, мне хотелось бы взять обратно свои слова о дележе.

– Ну так бери!

– Беру!

Собеседники скрепили договор крепким рукопожатием.

– «Компания Морган и Морган» со строго ограниченной ответственностью, – провозгласил Фрэнсис.

– Актив[7 - Актив – все имущество предприятия, независимо от долгов и обязательств.]: все Карибское море, большая часть Центральной Америки, один сундук, полный никуда не годного тряпья, и целая куча вырытых ям, – подхватил шутку Генри. – Пассив: змеиные укусы, грабители-индейцы, малярия, желтая лихорадка...

– И хорошенькие девушки, которые готовы то расцеловать совершенно незнакомого человека, то приставить к его груди серебряный игрушечный револьвер, – перебил Фрэнсис. – Да! Ведь я еще не рассказал тебе о своем приключении. Три дня назад я в шлюпке отправился на берег. И не успел ступить ногой на твердую землю, как откуда-то появляется хорошенькая девица, хватая меня и тащит за собой в лес. Я не мог сначала понять, что она, собственно, хочет со мной сделать – то ли съесть живьем, то ли выйти за меня замуж. Я так и не успел это выяснить: барышня вдруг начала делать весьма нелестные замечания относительно моих усов и с револьвером в руках погнала меня назад к лодке. При этом она приказала мне поскорее удирать и больше никогда не возвращаться – или что-то в этом роде.

– В каком месте все это происходило? – спросил Генри.

Фрэнсис, весь погруженный в веселые воспоминания о своих приключениях, не заметил, что голос его собеседника звучал как-то напряженно.

– Где-то там, у дальнего конца лагуны Чирикви, – ответил он. – Я потом узнал, что там имение Солано, а все Солано – народ горячий, настоящий перец! В этом я убедился лично. Но постой. Я еще не досказал. Слушай дальше: сначала эта молодая особа потащила меня в лес и там стала говорить оскорбительные вещи о моих усах, затем она с револьвером погналась за мной и заставила сесть в лодку, наконец, она пожелала узнать, почему я ее не поцеловал. Нет, слышал ты когда-нибудь о подобной нелепости?

– Ну и что же, ты поцеловал ее? – спросил Генри, сжимая правую руку в кулак.

– А что оставалось делать бедному иностранцу в чужом краю? К тому же девушка была очень хорошенькая...

Фрэнсис так и не договорил. Он едва успел вскочить на ноги, чтобы парировать удар могучего кулака Генри, направленный ему прямо в челюсть.

– Я... прости!.. – пробормотал Генри, опускаясь на старый сундук пирата. – Я дурак, знаю, но не могу же я спокойно выслушивать...

– Ну вот, опять тебя какая-то муха укусила! – с упреком сказал Фрэнсис. – Ты, видно, рехнулся! Да и все жители прекрасных здешних мест рехнулись – все до

единого. То ты перевязывал мне рану на голове, то готов меня по этой самой голове стукнуть. Ты ничуть не лучше той барышни, которая то целовала меня, то тыкала в меня револьвером.

– Ладно, бранись, я заслужил, сам знаю, – признал свою неправоту Генри. Но гнев его тотчас же вспыхнул снова.

– Черт побери! Ведь это была Леонсия!

– Ну и что из того, что это была Леонсия? Да будь она хоть Мерседес или Долорес! Неужели человек не может под угрозой револьвера поцеловать хорошенькую девушку без того, чтобы за это на него не накинулся первый встречный проходимец в грязных холщовых штанах, живущий на каком-то Богом забытом острове?

– Если хорошенькая девушка оказывается невестой упомянутого проходимца в грязных холщовых штанах...

– Да что ты! Неужели? – взволнованно воскликнул Фрэнсис.

– ...то этому проходимцу не так уж приятно слышать, что его невеста целовалась с каким-то другим, никому не ведомым проходимцем, только что прибывшим в страну на старой шхуне, принадлежащей полупочтенному негру с Ямайки, – закончил Генри.

– Так она меня приняла за тебя! – задумчиво произнес Фрэнсис. Наконец-то он узнал в чем дело. – Я понимаю теперь, что ты вышел из себя, хотя характер у тебя – ой-ой! Ведь еще вчера ты во что бы то ни стало хотел отрезать мне уши – помнишь?

– Да и твой ничуть не лучше, милый мой! Как ты настаивал на том, чтобы я их отрезал, когда я тебя повалил... ха-ха-ха!

И оба весело и дружелюбно рассмеялись.

– Это моргановская вспыльчивость, – сказал Генри. – По слухам, и наш предок-пират был горяч как перец.

– Ну уж, наверное, не хуже всех этих Солано, с которыми ты собираешься породниться. Ты только подумай, ведь они почти в полном составе вышли меня провожать и усердно старались на прощание всадить в меня пулю. А твоя Леонсия вытащила свой игрушечный револьвер, угрожая им какому-то длиннородому типу, который ей по виду в отцы годится, и дала ему понять, что она выстрелит в него, если он не перестанет палить в меня.

– Держу пари, это был ее отец – сам старик Энрико! – воскликнул Генри. – А молодые люди – ее братья.

– Очаровательные господа, – заявил Фрэнсис. – А что, ты не боишься соскучиться, породнившись с этой миролюбивой и кроткой семейкой?.. – Он умолк, пораженный внезапно пришедшей ему в голову мыслью. – Черт возьми, Генри, если они все приняли меня за тебя, то почему же им так хотелось тебя укокошить? В чем дело? Может, виновата твоя вспыльчивость? Ты чем-то досадил родственникам будущей жены?

Генри поглядел на него, словно раздумывая, и наконец ответил:

– Хорошо, так и быть скажу тебе. История действительно вышла крайне неприятная. Пожалуй, в самом деле виновата моя вспыльчивость. У меня вышла ссора с дядей Леонсии. Это был младший брат ее отца...

– Был? – перебил его Фрэнсис, делая ударение на прошедшем времени.

– Был, я говорю, – и Генри кивнул головой. – Его уже нет в живых. Звали его Альфаро Солано, и он сам был очень горяч. Солано уверяют, что они происходят от испанских конквистадоров[8 - Конквистадоры – испанские авантюристы, завоевавшие в XVI веке без содействия правительства земли в Америке – от Калифорнии до устья Ла-Платы, прославившиеся своей отчаянной храбростью и невероятной жестокостью.]. Они горды как сам сатана. Альфаро нажил состояние, торгуя кампешевым[9 - Кампешевое дерево – синий сандал из семейства бобовых. Из его измельченной древесины добывают красильное вещество.] деревом, и на эти деньги основал там же, вблизи гасиенды Солано, обширную плантацию. Мы с ним поссорились. Случилось это в небольшом тамошнем городке Сан-Антонио. Может быть, тут вышло недоразумение, хотя я все-таки утверждаю, что Альфаро был неправ. Он постоянно ко мне придирался – ему, видишь ли, не хотелось, чтоб я женился на Леонсии.

Ну и вышла же у нас с ним перепалка! Началось все в пулькерии[10 - Пулькерия – трактир, где продается пулька – алкогольный напиток, приготовляемый из сока агавы.]. Альфаро сидел там, пил мескаль[11 - Мескаль – мексиканская водка, чрезвычайно крепкая.] и, видимо, хватил лишку. Он нанес мне оскорбление. Присутствующим пришлось разнимать нас и отнимать у нас револьверы, но мы оба кричали, что жаждем мести, жаждем крови врага. В этом-то и была вся беда: множество свидетелей присутствовали при ссоре, и все они слышали наши взаимные угрозы.

Два часа спустя сам комиссарио и два жандарма застигли меня в одном из переулков. Я стоял, склонившись над трупом Альфаро. Кто-то всадил ему нож в спину, и я случайно наткнулся на его тело, когда шел по направлению к морю. Объяснения, ты говоришь? Никаких объяснений! Факты были налицо: ссора, угрозы, а два часа спустя меня находят почти на месте преступления, рядом с еще не остывшим трупом. С тех пор мне не доводилось бывать в Сан-Антонио. Я тут же удрал, не теряя времени. Альфаро пользовался там большой популярностью – это был крутой парень, а толпа таких любит. Меня бы даже не стали судить. Народ хотел меня растерзать на месте – и я рассудил, что нужно исчезнуть как можно пронто[12 - Пронто – быстро (исп.)].

Затем, когда я уже был в Бокас-дель-Торо, ко мне явился посланец от Леонсии. Она вернула мне обручальное кольцо. Вот тебе и вся история. У меня от всего этого появилось какое-то отвращение к жизни. Вернуться в те края я не посмел: семейство Солано и все местное население жаждут моей крови. Поэтому я решил превратиться в отшельника и перебрался сюда, надеясь отыскать сокровища старого Моргана... А все-таки дорого бы я дал, чтобы узнать, кто всадил Альфаро нож в спину! Если бы мне удалось отыскать убийцу, я мог бы оправдаться в глазах Леонсии и ее родственников, и тогда, без сомнения, мы вскоре отпраздновали бы свадьбу. Теперь, когда все это дело прошлого, я не прочь признать, что Альфаро был славный парень, хоть и вспыхивал как порох из-за всякого пустяка.

– Ясно, как азбука! – пробормотал Фрэнсис. – Теперь понятно, почему ее отец и братья так старались меня изрешетить. Чем больше я на тебя смотрю, тем больше убеждаюсь, что мы с тобой похожи друг на друга как две капли воды. Если бы не мои усы...

– Да вот еще эта штука, – с этими словами Генри засучил левый рукав и показал длинный тонкий шрам, белевший у него на руке. – Это я получил, когда еще был

мальчиком. Упал с ветряной мельницы и провалился сквозь стекла оранжереи.

– Вот что! – сказал Фрэнсис. Лицо его прояснилось: в голове уже намечался план. – Надо, чтобы кто-нибудь помог тебе выпутаться из этой истории. И кому же еще этим заняться, как не второму компаньону фирмы «Морган и Морган» по имени Фрэнсис? Ты сиди тут тихо или, если хочешь, отправляйся искать клад на остров Быка, а я между тем вернусь на гасиенду Солано и объясню все Леонсии и ее родне.

– Если они только до этого тебя не подстрелят, – пробормотал Генри. – В том-то и вся беда с этими Солано! Они всегда сначала всадят в тебя пулю, а уж потом начнут разговор. Не захотят выслушивать никаких объяснений, покуда их враг еще жив.

– Ничего, старина, я готов рискнуть, – заверил его Фрэнсис. Он всей душой готов был заняться задуманным им делом и решил во что бы то ни стало уладить недоразумение, возникшее между Генри и его невестой.

Однако мысль о молодой девушке не давала ему покоя. Его не раз охватывало сожаление, что это очаровательное создание по праву принадлежит не ему, а тому, кто был так на него похож. Перед ним вновь и вновь вставал образ Леонсии. Он вспомнил сцену на берегу моря, когда молодая девушка, терзаемая противоречивыми чувствами, то выказывала ему свою любовь и страстное влечение, то вспыхивала гневом и презрением. У него вырвался невольный вздох.

– О чем это ты вздыхаешь? – поддразнил его Генри.

– Леонсия – необычайно красивая девушка, – ответил Фрэнсис, несколько не скрывая своих мыслей. – Все равно, впрочем, она принадлежит тебе. Моя задача устроить все так, чтобы она стала твоей. Где то кольцо, которое она тебе вернула? Если я через неделю не возвращусь к тебе и не сообщу, что мне удалось снова надеть это кольцо ей на палец, то разрешаю тебе не только отрезать мне уши, но и сбрить усы.

Час спустя к берегу острова Тельца уже причалила шлюпка, высланная с «Анжелики» капитаном Трефэзенем в ответ на сигнал, поданный Фрэнсисом. Молодые люди простились друг с другом.

– Вот еще что, Фрэнсис: во-первых, я забыл тебе сказать, что Леонсия по крови не родня Солано, хотя она сама об этом не знает. Мне рассказал Альфаро. Она – приемная дочь Энрико, и старик буквально боготворит ее, хоть и не его кровь течет у нее в жилах. Альфаро не сообщил подробностей, он только говорил, что она будто бы даже и не испанка. Не знаю, кто она – англичанка или американка. Говорит она по-английски очень недурно; впрочем, языку ее обучили в монастыре. Видишь ли, Энрико удочерил ее еще совсем крошкой, и она убеждена, что старик Солано – ее отец.

– Понятно, почему она выказала мне столько ненависти и презрения, когда приняла меня за тебя, – сказал Фрэнсис. – Ведь она убеждена, что ты убил близкого ей по крови человека – ее родного дядю. И как убил – ножом в спину!

Генри, кивнув в ответ головой, продолжал:

– Второй момент – очень важен. Дело в тамошних законах, вернее, в полном беззаконии. В этих Богом забытых местах закон легко превращается в произвол. До Панамы далеко, а губернатор штата, или округа, или как он по-здешнему называется, – какой-то сонный старый Силен. Опасайся главным образом начальника полиции города Сан-Антонио. Это местный царек, причем человек очень плохой, способный на все, – уж поверь мне на слово. Сказать, что он берет взятки и понятия не имеет о справедливости, – это не сказать ничего. При этом он жесток и кровожаден, как хорек. Любимое его развлечение – присутствовать при смертной казни. Вешать людей для него истинное наслаждение. Пуще всего старайся не попадаться ему на глаза. Ну, желаю тебе!.. Что бы я ни нашел на острове Быка – половина всего твоя, помни!.. И смотри – постарайся устроить так, чтобы кольцо снова оказалось на руке у Леонсии.

* * *

Через два дня после этого разговора Фрэнсис вновь причаливал к тому месту, где он впервые встретился с Леонсией. Предварительно послав на разведку капитана-мулата, он узнал от него, что все мужчины Солано куда-то разбрелись и Леонсия дома одна. На сей раз на берегу нигде не было видно ни девушек с серебряными револьверами, ни мужчин с винтовками. Местность казалась тихой и мирной. У моря сидел только один мальчик-индеец, одетый в лохмотья. Маленький оборванец за серебряную монету охотно согласился отнести записку

на гасиенду и передать ее молодой сеньорите. Фрэнсис вырвал листок из записной книжки, написал на нем: «Я тот, кого вы приняли за Генри Моргана. У меня есть к вам поручение от него», – и отправил послание. Не думал он в ту минуту, что и на этот раз на него снова посыплются необычайные приключения, причем с той же быстротой и неожиданностью, что и при первом его посещении берега.

К сожалению, молодой американец не догадался заглянуть за большой выступ скалы, у которой присел, прислонившись к ней спиной. Поступи он так, его бы ожидало чарующее зрелище: молодая девушка как раз в это время выходила из воды после купания. Но Фрэнсис продолжал спокойно писать свою записку; маленький же индеец так заинтересовался процессом письма, что тоже ничего не заметил. Таким образом, Леонсия, обогнув скалу, первая увидела эту пару. Сдержав чуть было не вырвавшееся у нее восклицание, она повернулась и побежала без оглядки, пока не скрылась в зеленых зарослях джунглей. Почти тотчас же после этого Фрэнсис услышал крик ужаса и вздрогнул. Он узнал ее голос и понял, что Леонсия находится где-то поблизости. Записная книжка и карандаш выпали у него из рук. Вскочив с места, он в то же мгновение бросился со всех ног в том направлении, откуда раздался крик. Обогнув скалу, молодой человек столкнулся с каким-то совершенно мокрым и не вполне одетым существом, оказавшимся самой Леонсией. Она в этот момент отскочила назад, видимо, чем-то смертельно напуганная. От неожиданного столкновения с Фрэнсисом девушка вскрикнула. Впрочем, она тотчас же обернулась назад и убедилась, что ей не только не грозит новая опасность, но и, наоборот, к ней на помощь явился спаситель.

Леонсия промчалась мимо Фрэнсиса, чуть было не наткнулась на маленького индейца и остановилась только тогда, когда очутилась на открытом месте. Лицо ее было бледным как полотно.

– В чем дело? – спросил Фрэнсис. – Вы ушиблись?

Девушка показала на свое обнаженное колено: на коже виднелись две едва заметные ранки, из которых сочилось по капельке крови.

– Змея! – воскликнула она. – Ядовитая змея! Укус ее смертелен. Через пять минут я буду лежать здесь мертвая, но я рада этому, да, рада – тогда мое сердце, по крайней мере, перестанет терзаться из-за вас!

И Леонсия хотела было осыпать Фрэнсиса упреками, но силы покинули ее, и она упала на землю в глубоком обмороке.

Фрэнсис знал о змеях Центральной Америки только понаслышке, но этих сведений было достаточно, чтобы его испугать. Говорили, что собаки и даже мулы погибали в страшных мучениях минут через десять после укуса какой-нибудь маленькой змейки длиной всего в каких-нибудь пятнадцать-двадцать дюймов. Неудивительно, что Леонсия упала в обморок, решил Фрэнсис, очевидно, уже сказывалось действие смертельного яда. Какую помощь следует подавать пострадавшим от змеиных укусов – об этом молодой американец тоже знал только по рассказам других людей.

В голове у него мелькнуло воспоминание, что в таких случаях следует крепко перетянуть укушенную конечность повыше раны, чтобы остановить кровоток и не дать яду проникнуть в сердце.

Молодой Морган вытащил свой носовой платок и перевязал им ногу Леонсии повыше колена. Затем он всунул в узел платка небольшую палку и стал поворачивать ее что было сил; таким образом получилась очень тугая повязка. Затем, опять-таки припомнив советы бывалых людей, он быстро вынул свой нож, прокалил его лезвие над пламенем нескольких спичек, чтобы простерилизовать, и осторожно, но решительно сделал несколько надрезов на коже, чтобы увеличить две крошечные ранки от укуса змеи.

Фрэнсис работал в лихорадочном темпе, сам дрожа от страха. Он с ужасом ожидал, что вот-вот прекрасное тело девушки, распростертое перед ним на песке, будет биться в предсмертных судорогах и разлагаться чуть ли не у него на глазах. Он слышал, что тела умерших от змеиных укусов почти моментально начинают пухнуть и вздуваться до огромных размеров. Делая надрезы, молодой Морган думал о том, как будет действовать дальше. Он решил, что сначала попробует высосать, насколько это окажется возможным, яд из ранок, а затем закурит папиросу и прижжет ею пораженное место.

Однако Фрэнсис успел сделать только два неглубоких крестообразных надреза, когда Леонсия от боли очнулась и стала двигаться.

– Лежите тихо! – приказал он, но она вместо того села и увидела, что он наклоняется к ее ноге.

В ответ на его слова Леонсия замахнулась и маленькой нежной ручкой вlepила ему звонкую пощечину. Как раз тут из леса выбежал маленький индеец; в руке у него болталась мертвая змея. Мальчик, приплясывая, с восторгом кричал:

– Лабарри! Лабарри!

У Фрэнсиса мелькнула мысль, что надо ожидать худшего.

– Лежите тихо! – повторил он резким тоном. – Нельзя терять ни секунды!

Между тем Леонсия так и впилась глазами в мертвую змею. На лице ее появилось выражение облегчения, но Фрэнсис не заметил, что ее испуг прошел. Он снова наклонился, собираясь приступить к классической операции, которую всегда применяют при змеиных укусах.

– Как вы смеете! – сердито произнесла Леонсия. – Ведь это всего лишь маленький лабарри: укус его совершенно безвреден. Я думала сначала, что это ядовитая змея. Их трудно различить, пока лабарри еще не вполне взрослый.

Почувствовав боль в ноге, – давящая повязка остановила кровообращение, – Леонсия опустила глаза и увидела платок, которым как жгутом была перетянута ее нога.

– Ах! Что вы сделали!

Яркий румянец покрыл ее лицо.

– Ведь это же был всего лишь маленький лабарри! – с упреком произнесла она.

– Но вы же сами сказали, что это была змея!

Молодая девушка закрыла лицо руками, краска стыда не сходила с него, даже уши у нее горели. Однако Фрэнсис готов был поклясться, что она хохочет. Уж не истерика ли у нее начинается?

Только тут Морган понял, какую трудную, почти непосильную задачу взял на себя, пообещав Генри надеть на руку Леонсии обручальное кольцо – символ

любви к ней другого мужчины. Но он твердо решил не поддаваться ее очарованию. Взглянув прямо в глаза молодой девушке, Фрэнсис с горечью сказал:

– А теперь ваши родные, наверное, снова будут меня расстреливать за то, что я не умею отличить лабарри от ядовитой змеи. Пожалуй, еще решат, что их самих мало, – позовут рабочих с плантации. Или, быть может, вы сами захотите всадить в меня пулю?

Но Леонсия, казалось, не слышала этих иронических слов. Она вскочила на ноги и легким, грациозным движением, вполне соответствующим ее безупречному телосложению, топнула перевязанной ногой.

– Она совсем у меня онемела!

Затем она от души расхохоталась – на этот раз уже не сдерживая смех и не закрывая лицо руками.

– Однако вы странно себя ведете! – поддразнил ее Фрэнсис. – Ведь вы, кажется, считаете меня убийцей вашего дяди?

При этом упоминании Леонсия сразу перестала смеяться и румянец исчез с ее лица. Она не ответила ни слова, а только наклонилась и дрожащими от гнева пальцами стала развязывать узел платка. Девушка с отвращением дотрагивалась до него, словно в нем таилась зараза.

– Разрешите вам помочь, – любезно предложил молодой Морган.

– Подлец! – Леонсия гневно вспыхнула. – Отойдите в сторону! Мне противно, что на меня падает ваша тень.

– Вы прелестны, вы просто очаровательны, – продолжал насмехаться молодой человек. Он смеялся, но каких трудов стоило ему подавить охватившее его страстное желание схватить ее в свои объятия и крепко прижать к груди. – Да, именно такой я и помню вас при нашем первом свидании, когда вы то упрекали меня за то, что я вас целую, то сами целовали меня, – да, да, вы меня целовали! – то собирались навек испортить мне пищеварение своим игрушечным

револьвером. Нет, вы ни на йоту не изменились с тех пор. Вы все та же запальчивая Леонсия. А знаете что, позвольте-ка развязать этот узел мне. Он слишком туго завязан, и вашим пальчикам с ним не справиться.

Молодая девушка в безмолвной злобе топнула ногой.

– Какое счастье для меня, что у вас нет привычки брать с собой ваш игрушечный револьвер, когда идете купаться! – продолжал дразнить ее Фрэнсис. – А не то пришлось бы тут же, на берегу моря, хоронить некоего любезного молодого человека, всегда питавшего по отношению к вам самые лучшие намерения.

В это мгновение к молодым людям подбежал маленький индеец. Он держал в руках купальный халат Леонсии. Девушка схватила халат, быстро накинула его на себя и снова принялась развязывать узел, на этот раз с помощью мальчика. Когда ей это наконец удалось, она отшвырнула от себя платок, словно то на самом деле была ядовитая змея.

– Зараза! – выпалила она, чтобы уязвить Фрэнсиса.

Но Фрэнсис только медленно покачал головой. Он по-прежнему держал себя в руках, стараясь не поддаваться ее обаянию.

– Поздно, Леонсия. Я уже наложил на вас свое клеймо, – медленно произнес он, указывая на надрезы на ее ноге, и засмеялся.

Леонсия уже собиралась уходить, но при этих словах резко повернулась к нему.

– Печать зверя! – крикнула она. – Предупреждаю вас, мистер Генри Морган, – берегитесь!

Но Фрэнсис преградил ей дорогу.

– Ну, а теперь давайте поговорим о деле, мисс Солано, – сказал он совсем другим тоном. – Вы должны меня выслушать. Сверкайте глазами сколько хотите, но не перебивайте меня. – Он наклонился и поднял с земли записку, которую ей написал. – Я как раз собирался послать вам несколько слов с мальчиком, когда меня остановил ваш крик. Возьмите эту бумажку, прочтите ее. Она вас не

укусит. Это не ядовитая змея.

Леонсия не хотела брать записку в руки, но ее взгляд невольно упал на первую строчку:

«Я тот, кого вы приняли за Генри Моргана».

Молодая девушка взглянула на своего собеседника. По ее испуганным глазам было видно, что она еще не вполне понимает в чем дело, но уже о многом догадывается.

- Даю вам честное слово, - серьезным тоном произнес Фрэнсис.

- Вы... вы... не Генри? - заикаясь спросила она.

- Нет, я не Генри. Возьмите, пожалуйста, мою записку и прочтите ее.

На этот раз она повиновалась и стала читать. А он между тем любовался золотистым загаром на ее нежной смуглой коже - поцелуем жаркого солнца тропиков. Казалось, этот поцелуй проник и в ее кровь, или, быть может, пробивавшийся сквозь загар румянец придавал такой чудесный золотисто-матовый оттенок ее лицу? Слово во сне, молодой человек глядел в ее бархатные карие глаза, которые испуганно-вопросительно смотрели на него.

- А какая предполагалась тут подпись? - наконец спросила она.

Фрэнсис пришел в себя и догадался поклониться.

- Но имя? Ваше имя?

- Морган, Фрэнсис Морган. Как я вам и объясняю в записке, мы с Генри дальние родственники - какие-нибудь сорокаюродные братья или что-то в этом роде.

Однако, к ужасу Фрэнсиса, в глазах Леонсии вдруг снова появилось выражение сомнения. Взгляд ее вспыхнул гневом.

– Генри, – начала она с укором, – это хитрость, какой-то дьявольский обман с вашей стороны! Нет, не может этого быть, вы – Генри.

Фрэнсис указал на свои усы.

– Вы отрастили их с тех пор! – вызывающе бросила она.

Тогда он засучил рукав, обнажив руку до локтя. Однако Леонсия, видимо, не понимала, что он хотел этим доказать.

– Помните шрам? – спросил Фрэнсис.

Она кивнула головой.

– В таком случае попробуйте его отыскать.

Она наклонила голову и быстро оглядела его руку, затем, убедившись в своей ошибке, медленно покачала головой и пробормотала:

– Простите... простите меня. Я была в страшном заблуждении, а когда я вспомню, как ужасно себя вела с вами...

– Тот поцелуй был восхитительным! – поддразнил ее Фрэнсис.

Леонсии пришли на ум совсем недавние события; она опустила глаза и посмотрела на свою ногу. Фрэнсису показалось, что при этом девушка с трудом удерживается от смеха.

– Вы говорите, что у вас есть поручение от Генри, – вдруг сказала она, резко меняя тон. – И утверждаете, что он не виновен... Неужели это правда? Ах, как бы мне хотелось вам верить!

– Я глубоко убежден в том, что Генри виновен в убийстве вашего дяди не более чем я...

– В таком случае пока не говорите больше ничего об этом! – радостным голосом воскликнула молодая девушка. – Прежде всего мне следует попросить у вас прощения, хоть и вы должны признать, что наговорили мне много ужасных вещей, – да и поступили со мной ужасно. Вы не имели никакого права меня целовать.

– Если припомните, вы могли застрелить меня, если бы я отказался.

– Молчите, молчите! – воскликнула она. – А теперь вы должны пойти со мной на гасиенду. По дороге расскажете мне о Генри.

Тут ее взгляд случайно упал на платок, который она недавно так презрительно отшвырнула прочь. Она подбежала к нему и подняла с земли.

– Бедный пострадавший платочек! – нежно сказала Леонсия. – Я и перед тобой должна извиниться. Я сама тебя выстираю и... – Она подняла глаза на Фрэнсиса и продолжала, обращаясь к нему: – ...и верну его вам, сэр, свежим, с вечной благодарностью моего сердца.

– А печать зверя? – спросил молодой человек.

– Простите! – с раскаянием произнесла она.

– И вы не будете сердиться, если моя тень упадет на вас?

– Наоборот! – весело воскликнула она. – Вот – теперь я сама встала на вашу тень. Пойдемте!

Фрэнсис кинул песо[13 - Песо – испанская серебряная монета.] улыбающемуся мальчику-индейцу. А затем, радостный и взволнованный, он повернулся и направился вслед за Леонсией по тропинке, ведущей сквозь зеленые заросли к белевшей вдали гасиенде.

На широкой пьядце[14 - Пьяцца – терраса.] гасиенды Солано сидел Альварес Торрес. Сквозь отверстие в пышной листве тропических деревьев он увидел пару, приближавшуюся по извилистой дороге к дому. Торрес увидел, вернее, ему показалось, что увидел, нечто такое, что заставило его заскрежетать зубами от

ярости и сделать абсолютно неверное заключение. Он пробормотал какие-то проклятия и от злости не заметил, что папироса у него погасла.

Что же он увидел? Леонсия и Фрэнсис шли рядом, поглощенные разговором настолько, что, по-видимому, забыли обо всем на свете. Фрэнсис в чем-то горячо убеждал Леонсию – словами и жестами. Молодая девушка на мгновение даже остановилась – видимо, ее сильно тронули мольбы спутника. И вдруг – Торрес едва верил своим глазам – вдруг Фрэнсис вынул из кармана кольцо, а Леонсия, протянув ему левую руку и глядя в сторону, позволила молодому человеку надеть это кольцо на ее четвертый палец. А в том, что это обручальное кольцо, Альварес Торрес готов был поклясться.

На самом же деле Фрэнсис только вернул девушке обручальное кольцо, подаренное ей Генри. Леонсия же, сама не зная почему, приняла это кольцо довольно неохотно.

Торрес отшвырнул прочь погасшую папиросу и стал с досады крутить свой ус, словно находя в этом некоторое облегчение. Наконец он решил пойти навстречу молодым людям, уже показавшимся на пьядце. Поравнявшись с ними, Торрес даже не ответил на приветствие молодой девушки. Вместо того он повернулся к Фрэнсису и, возбужденно жестикулируя по обыкновению всех представителей латинской расы, злобно выкрикнул:

– Хоть от убийцы и не ожидаешь стыда, все же, по крайней мере из простого чувства приличия...

Фрэнсис грустно улыбнулся.

– Ну вот! Опять началось! Еще один сумасшедший в сумасшедшей стране! В последний раз я имел удовольствие видеть этого господина в Нью-Йорке. Тогда он вел со мной серьезный разговор. А здесь при первой же встрече заявляет мне, что я не кто иной, как бесстыдный, незнакомый с приличиями убийца.

– Сеньор Торрес, вы должны просить извинения, – гневно произнесла Леонсия. – До сих пор еще не бывало, чтобы гостю пришлось выслушивать оскорбления в доме Солано.

– А разве в доме Солано оказывают гостеприимство тому, кто убил одного из представителей рода? – возразил Торрес. – Очевидно, нет такой жертвы, которую вы не были бы готовы принести во имя гостеприимства.

– Успокойтесь, сеньор Торрес, – любезно посоветовал Фрэнсис. – Я знаю, в чем ваша ошибка. Вы воображаете, что я Генри Морган. На самом деле перед вами Фрэнсис Морган, и мы с вами еще недавно вели деловую беседу в кабинете мистера Ригана в Нью-Йорке. Пожмем друг другу руки – вот и все извинения, которых я от вас потребую.

Торрес, совершенно ошеломленный тем, что мог так ошибиться, пожал протянутую Фрэнсисом руку и рассыпался в извинениях перед Фрэнсисом и Леонсией.

– А теперь, – сказала молодая девушка, радостно засмеявшись, – я должна позаботиться о комнате для мистера Моргана, да и одеться мне не мешает. – С этими словами Леонсия хлопнула в ладоши, призывая горничную. – А потом, сеньор Торрес, с вашего позволения, мы вам расскажем о Генри.

Леонсия ушла к себе. Фрэнсис также направился в отведенную ему комнату, куда его проводила молоденькая и хорошенькая горничная-метиска. Торрес между тем пришел в себя и почувствовал, что злость его не только не улеглась, но, наоборот, только усилилась. Так вот кто надел Леонсии на руку кольцо! Этот пришелец, совершенно незнакомый ей человек! Охваченный страстью, сеньор Альварес быстро соображал. Леонсия – та девушка, которую он всегда называл владычицей своего сердца, – Леонсия вдруг обручилась с каким-то неизвестным гринго из Нью-Йорка. Невероятно! Чудовищно!

Хлопнув в ладоши, Торрес велел подать нанятую им в Сан-Антонио коляску. Когда Фрэнсис вышел из своей комнаты, намереваясь поговорить с ним, чтобы получить более подробные сведения о местонахождении сокровищ пирата, испанец уже мчался по дороге в своем экипаже.

* * *

После завтрака неожиданно подул ветер с суши, что позволяло «Анжелике» быстро переплыть лагуну Чирикви и добраться до островов Быка и Тельца.

Поэтому Фрэнсис, спешивший как можно скорее обрадовать Генри известием, что его кольцо снова украшает руку Леонсии, решительно отказался от предложения молодой хозяйки провести ночь в доме ее отца и познакомиться с Энрико Солано и его сыновьями.

Была у Фрэнсиса еще одна причина, по которой он торопился уехать. Его смущало присутствие Леонсии – вовсе не потому, что она ему не нравилась. Напротив, она очаровала его, его тянуло к ней с такой силой, что он не смел дольше оставаться с ней – боялся оказаться предателем по отношению к отшельнику с острова Быка, который расхаживал там по берегу моря в своих холщовых брюках и копал землю в надежде найти зарытый пиратом клад.

Фрэнсис уехал, увозя с собой письмо Генри от Леонсии. В минуту прощания он резким движением отстранился от нее, быстро подавил вздох – настолько быстро, что Леонсия не смогла понять, вздохнул ли он на самом деле или это ей только почудилось. Она глядела ему вслед, пока он не исчез из виду, а затем все с тем же чувством смутного беспокойства посмотрела на кольцо, блестевшее на ее руке.

Дойдя до берега, Фрэнсис подал знак капитану «Анжелики», которая стояла на якоре, чтобы за ним прислали шлюпку. Не успели, однако, матросы спустить лодку, как Фрэнсис увидел, что вдоль берега скачут прямо на него шестеро всадников с револьверами за поясом. Каждый из них держал перед собой на седле винтовку. Двое из них мчались впереди других полным галопом. Остальные четверо были, по-видимому, метисы – какие-то проходимцы. В одном из всадников молодой Морган узнал Торреса. Весь отряд направил винтовки на Фрэнсиса. Тому не оставалось ничего другого, как исполнить приказание предводителя отряда. Он поднял руки вверх и проговорил вслух:

– Подумать только, что когда-то, всего несколько дней или, быть может, несколько миллионов лет тому назад, я воображал, что бридж по доллару за фишку – вещь занятная и волнующая! Будьте любезны, сеньоры, сообщите мне, в чем дело и почему вы так стремитесь меня подстрелить! Неужели мне так и не суждено покинуть этот берег без каких-либо осложнений с огнестрельным оружием? Что вам от меня нужно – отрезать мне уши или вы удовольствуетесь моими усами?

– Нам нужны вы сами, – ответил предводитель, незнакомый Фрэнсису испанец со щетинистыми усами и коварными черными глазами, взгляд которых притягивал,

словно магнит.

– А сами-то вы кто такие, сто чертей и столько же ведьм?

– Это его высокородие сеньор Мариано Веркара-э-Хихос, начальник полиции города Сан-Антонио, – ответил Торрес.

– Спокойной ночи! – рассмеялся Фрэнсис. Он вспомнил, как описал ему этого типа Генри. – Вы, вероятно, думаете, что я нарушил какие-нибудь правила, касающиеся мест стоянки судов или одно из постановлений санитарной инспекции? Но по поводу этого вам следует поговорить с капитаном Трефэзеном, в высшей степени почтенным человеком. Я только зафрахтовал судно и еду на нем как простой пассажир. А капитан – большой знаток всяких морских правил и обычаев.

– Вы обвиняетесь в убийстве Альфаро Солано, – ответил Торрес. – Вам не удалось одурачить меня, Генри Морган, когда вы там, на гасиенде, попытались выдать себя за другого человека. Я знаю этого другого. Его зовут Фрэнсис Морган, и о нем я смело могу сказать, что он вовсе не убийца, а глубоко порядочный человек.

– О боги! – воскликнул Фрэнсис. – А ведь вы еще недавно пожимали мне руку, сеньор Торрес.

– Я поддался обману, – с грустью сказал Торрес. – Но это было лишь на мгновение. Согласны ли вы добровольно следовать за нами?

– Словно я могу... – Фрэнсис красноречиво взглянул на винтовки и пожал плечами. – Вы, вероятно, быстро меня осудите и на рассвете повесите?

– В Панаме рука правосудия карает быстро, – ответил начальник полиции. Он говорил по-английски довольно прилично, хотя и с акцентом. – Но все-таки не так уж быстро! На рассвете мы вас не повесим. Лучше часов в десять утра – так будет удобнее для всех. Как по-вашему?

– О, пожалуйста! – ответил Фрэнсис. – Можно даже в одиннадцать или в полдень – протестовать я не буду.

– Попрошу вас следовать за нами, сеньор, – сказал Мариано Веркара-э-Хихос. Несмотря на его слащаво-любезный тон, в нем чувствовалась холодная твердость мрамора. – Хуан! Игнасио! – приказал он по-испански своим людям. – Слезайте с коней! Отберите у него оружие! Нет, руки ему связывать не нужно. Посадите его на седло позади Грегорио!

* * *

Фрэнсис сидел в камере местной тюрьмы, построенной из высушенной глины. Стены этой камеры, давно уже не беленные, были в пять футов толщиной. На земляном полу вповалку спали человек двенадцать заключенных-пеонов[15 - Пеоны – крестьяне в Латинской Америке, находящиеся в полукрепостной зависимости от помещика.]. Откуда-то снаружи доносились удары молотка. Фрэнсис стал припоминать подробности только что закончившегося суда. При этом воспоминании он тихо и протяжно свистнул.

Был вечер – половина девятого. А суд начался в восемь... Удары молотка, которые он слышал, возвещали, что уже начали сооружать виселицу, на которую ему придется взойти в десять часов утра, чтобы с этого возвышенного места сделать последний прыжок в вечность. Рассматривалось его дело ровно тридцать минут. Оно могло бы закончиться и в двадцать минут, если бы не Леонсия. Молодая девушка ворвалась в зал заседаний и затащила суд минут на десять – срок, который любезно предоставили ей, как представительнице знатного рода Солано.

– Начальник полиции был прав, – сказал себе Фрэнсис. – В Панаме правосудие в самом деле скорое!

Найденное у него в кармане письмо Леонсии, адресованное Генри Моргану, погубило обвиняемого. Остальные улики подобрать было уже нетрудно. Нашлось с полдюжины свидетелей, которые удостоверили факт убийства и показали, что убийцей был именно подсудимый. Это подтвердил даже сам начальник полиции. Был только один момент во всей процедуре суда, когда у бедного Фрэнсиса немного потеплело на душе. Когда в зал ворвалась Леонсия. Ее сопровождала в качестве дуэньи древняя тетка Энрико, у которой от дряхлости непрестанно тряслась голова.

Да, несмотря ни на что, это был сладкий миг для Фрэнсиса: он увидел, как горячо молодая девушка отстаивала его, как страстно она желала спасти ему жизнь. Увы! Все ее старания были тщетны.

Леонсия прежде всего заставила подсудимого засучить рукав и обнажить левую руку. На это начальник полиции только презрительно пожал плечами. Тогда Леонсия повернулась к Торресу и разразилась целым потоком слов, но так как она говорила по-испански, и притом очень быстро, Фрэнсис не смог ничего понять. А когда после нее выступил со своими показаниями Торрес, весь переполненный людьми зал загудел: присутствующие взволнованно переговаривались и жестикулировали.

Все это Фрэнсис видел со своего места. Не заметил он только того, что Торрес, пробираясь сквозь толпу на свое свидетельское место, успел по дороге обменяться несколькими словами с начальником полиции. Эта сценка ускользнула от подсудимого. Не догадывался он и о том, что Риган подкупил Торреса и велел ему как можно дольше удерживать Фрэнсиса от возвращения в Нью-Йорк. Точно так же бедняга не подозревал, что Торрес сам был влюблен в Леонсию и испанца терзала бешеная ревность.

Поэтому Фрэнсис так и не понял, какую комедию разыгрывал Торрес, выступая в качестве свидетеля. Леонсия заставила сеньора Альвареса признать, что он никогда не видел у Фрэнсиса Моргана шрама на левой руке. Добившись этого, молодая девушка бросила полный торжества взгляд на старичка судью. Но тут начальник полиции громогласно задал Торресу вопрос:

- А можете ли вы присягнуть, что видели шрам на руке у Генри Моргана?

На лице сеньора Альвареса отразились смущение и растерянность, он испуганно взглянул на судью, умоляюще посмотрел на Леонсию и, наконец, молча покачал головой в знак того, что подобной клятвы он дать не может.

У толпы оборванцев вырвался торжествующий рев. Когда судья вынес приговор, рев еще усилился. Тотчас же комиссарии и жандармы бросились к Фрэнсису и, несмотря на его сопротивление, вытолкали молодого человека из зала суда. Прямо оттуда Моргана отвели в тюрьму. Все это делалось, видимо, с целью спасти его от разъяренной толпы, не желавшей дожидаться времени казни.

«Эх, как бедняга Торрес попался на этом шраме!» – с сожалением подумал Фрэнсис. Но его размышления были прерваны на этом месте. Он услышал звук отодвигаемого засова, и в камеру вошла Леонсия.

Не говоря ни слова заключенному, она сразу накинулась на сопровождавшего ее комиссарио и быстро заговорила с ним по-испански, сопровождая свою речь повелительными жестами. Комиссарио, видимо, склонился перед ее волей и тотчас же приказал сторожу перевести пеонов в другую камеру. Затем он суетливо, словно извиняясь, поклонился и вышел, закрыв за собой дверь.

Только тогда самообладание покинуло Леонсию. Она упала на грудь Фрэнсису и зарыдала.

– Проклятая страна, проклятая! Здесь нельзя добиться правосудия.

Фрэнсис обнял ее гибкий стан, чувствуя, что теряет голову от близости этой обаятельной, нежной, прелестной девушки; но внезапно он вспомнил Генри – Генри, работающего босиком, в холщовых брюках и широкополом сомбреро там, на острове Быка, в надежде отыскать клад.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гедонизм – философско-этическое учение, признающее наслаждение высшим благом, целью жизни.

2

Фактически в романе отсутствует деление текста на эпизоды.

3

Бульварк – отверстие для пушек в бортах военного судна.

4

Гасиенда – поместье, усадьба (исп.).

5

Гринго – так называют в Латинской Америке североамериканцев.

6

Сомбреро – широкополая шляпа, которую носят в Латинской Америке.

7

Актив – все имущество предприятия, независимо от долгов и обязательств.

8

Конквистадоры – испанские авантюристы, завоевавшие в XVI веке без содействия правительства земли в Америке – от Калифорнии до устья Ла-Платы, прославившиеся своей отчаянной храбростью и невероятной жестокостью.

9

Кампешевое дерево – синий сандал из семейства бобовых. Из его измельченной древесины добывают красильное вещество.

10

Пулькерия – трактир, где продается пулька – алкогольный напиток, приготовляемый из сока агавы.

11

Мескаль – мексиканская водка, чрезвычайно крепкая.

12

Пронто – быстро (исп.).

13

Песо – испанская серебряная монета.

14

Пьяцца – терраса.

15

Пеоны – крестьяне в Латинской Америке, находящиеся в полукрепостной зависимости от помещика.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhek-london/cerdca-treh-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)